

16+

Дмитрий Свиридов

Скучный попуданец,

или 500 лет назад



Дмитрий Свиридов
**Скучный попаданец,
или 500 лет назад**

«Автор»

2021

Свиридов Д.

Скучный попаданец, или 500 лет назад / Д. Свиридов — «Автор»,
2021

Очередной попаданец. Не спецназовец, не маг, не мастер боевых искусств. Поехал за грибами в Рязанской области, а приехал - в Рязанское княжество, 16 век. Справочника по металлам с собой нет, карты полезных ископаемых и ноутбука - тоже. Телефон, правда, есть, ну, и машина. Сам - почти пенсионер, экономист. Скучно, да? За плечами - 50 с лишним лет жизни, советское образование, куча прочитанных книг да кое-какой жизненный опыт. Что он будет делать? Да вот, сначала надо попутчиков подвезти, а там видно будет. Каких попутчиков? А вот это уже интересней...

Дмитрий Свиридов

Скучный попаданец, или 500 лет назад

1

Николай Федорович Седов собрался за грибами. Дело нехитрое, конец октября, заморозков еще нет, но к тому близко. Дожди давно перешли с теплых, почти летних, на мелкую морось, лист опал, в общем, кто любит побродить по лесу и кому надо опят – самое оно. Так он и решил с вечера, что если вдруг с утра дождя не будет, то поедет. Дождя не было, хотя было, в общем, пасмурно. Позавтракав, Седов переоделся из домашнего в старенькую, но очень удобную термуху, надел свитер с оленями и воротом под горло (новодел, конечно), полутактические непромокаемые темно-серые штаны, собрал в мешочек перекус из четырех бутербродов (ржаной хлеб типа бородинского с бужениной, намазанный чуть острым сливочным соусом, чтоб не всухомятку), залил в термос чай с молоком и каплей меда, и еще прихватил бутылку минералки. Все это он сложил в верхнюю из двух вставленных одна в другую пластиковых корзинок, приготовленных с вечера, подумал, и добавил туда еще пакет из Пятерочки – вдруг попадетсЯ хорошее место. Больше-то набирать ни к чему, их же еще потом самому обрабатывать, кто понимает. Теплые саломоновские кроссовки, куртка на синтепоне для местных выходов (темно-зеленая, но уже не тактика, а полулыжная), вязаная шапочка на голову – готов. Вышел, закрыл дом, вывел Ниссан из гаража, поставил в багажник корзинки и приготовленные в гараже тоже со вчера резиновые сапоги. Закрыть гараж, открыть ворота на улицу, выехать, закрыть ворота, все как обычно, и где-то в пол одиннадцатого Николай Федорович стартовал.

Сделаем небольшое отступление. Героя нашего мы именуем таким образом, поскольку лет ему уже 54, человек он серьезный, в некотором роде даже пенсионер. Никак не Коля, не Николаша, но еще и не Федорыч, конечно. Биография у него самая обычная для такого возраста – родители из одной подмосковной деревни, после ПТУ перебравшиеся в ближайший городок, где и поженившиеся. Получили жилье, там и родился тогда еще Колька, там и прожили всю жизнь. Городок стал ближним Подмосковьем, Колька отучился в школе, сходил в армию и уехал поступать в институт уже в Москву.

Ни в актеры, ни в инженеры не пошел, а поступил на географо-экономический факультет, причем на экономику. «Девчонок там много, а «Капитал» все равно везде учить» – отшучивался уже Николай, когда его спрашивали о причинах такого выбора. Там же ему и повезло. На экономику посылали своих детей учиться те, кому МГИМО было не по статусу, но кто был уже в теме и в курсе того, что будет происходить в стране совсем скоро. Был такой парень и в их группе, и хотя папа у него был не министр, и не замминистра, а имел должность со странным названием, что-то типа «референт-инструктор», но сын его своим близким приятелям, в числе которых оказался и Николай, часто повторял – учите западную экономику, пригодится. Не успели ребята закончить ВУЗ, как началось. Перестройка с новым мышлением, кооперативы, всякие комсомольско-молодежные НТЦ и прочее, прочее, прочее... Ни в фарцовку, ни в рэкет ребята не пошли, а как раз с учетом связей папы (и, что гораздо важнее, приличных неизвестно откуда взявшихся денег, организованных им же), организовали брокерскую фирму. Что это такое, как оно должно работать – никто из них тогда толком не знал, но в те годы это было нормально. Законы писались и переписывались тут же, проверяющие и контролирующие органы не знали, что проверять и контролировать, деньги делались из воздуха и туда же улетали. В крайнем случае, всегда можно было договориться по известному прайсу. Не все из бывшей студенческой компании смогли пройти этот период, кто-то отселялся по разным причинам, однако к дефолту сформировалась определенная структура фирмы – сын референта-инструктора стал официальным владельцем, зицпредседатели на всякий случай периодически менялись, а основной костяк из пяти человек, включая Николая, тащил все направления. В качестве

последнего привета от того самого папы проскочили дефолт 98 года, заранее имея нужную информацию (сам папа, к сожалению, не пережил, так как был уже немолод, а дело все равно получилось нервное). И спокойно работали дальше, так и не став олигархами, зато став теми, кто проводит операции с ценными бумагами олигархов.

Естественно, к этому времени у них появилось приличное жилье в Москве, семьи, машины, дачи. Женился и Николай, на коренной москвичке из приличной семьи, которая со своей родней считала, что начальник управления – это только хороший промежуточный этап на пути дальнейшего повышения статуса и уровня богатства жениха. Только через 6 лет брака, уже после рождения двух детей, они оба смогли понять, что городской в первом поколении парень ставит себе несколько иные жизненные цели и имеет другие ориентиры, чем москвичка во многих поколениях, со многими связями и знакомствами семьи и устоявшимся образом жизни. Все это наложило на то, что и жизнь-то в стране продолжала стремительно меняться, и старые связи и новые деньги формировали новую реальность, в которую не вполне вписывались ни она, ни он. Меняться было нужно, но трудно, поэтому по обоюдному согласию они все же разошлись. Квартиру и деньги на детей он ей обеспечил, так как на самом деле уровень доходов в их скромной конторе продолжал расти, с детьми он встречался тоже без ограничений, но именно тогда, где-то в возрасте Христа у него начали возникать вопросы о смысле жизни, всего остального и вообще, пока трудно даже формулируемые, но уже очень тяжелые.

Тем временем бизнес их развился и завис около определенного уровня, серьезного, но, опять же, не вызывающего желания у сильных мира сего любыми путями его заполучить. Структура расширилась, была открыта сеть филиалов, которую в течение примерно пяти лет также удалось привести к оптимальному виду, Николай Федорович (да-да, внезапно, но уже Николай Федорович) руководил приличного размера структурой, занимавшейся внутренней отчетностью и аудитом. Росли дети, отучился на ценных бумагах сын, пошел заниматься схожей работой в хорошую, известную компанию, но пока непосредственно в сделки. Дочка (младшая) доучивалась на веб-дизайне, уже вовсю зарабатывая деньги на фрилансе.

И несколько лет назад Седов решил, что пора завязывать. За время работы ему удалось не только накопить денег, но и установить хорошие отношения с управляющей прослойкой одной из подмосковных областей, чьи облигации они периодически размещали. Прослойка была, так сказать, второго круга, то есть снова не главы и не министры, а директора департаментов и начальники отделений, зато они не менялись при сменах курсов на верхах, и уж конечно их не арестовывали по каким-то мутным делам, плохо пахнущим политикой. Сложившийся во властных структурах области симбиоз всех ветвей власти (на том самом втором уровне), включая МВД, позволял нужным, хорошим людям спокойно решать вопросы как по бизнесу, так и по личному обустройству. Одним из таких проектов и стал коттеджный поселок Залесный, построенный в старом сосновом лесу, на берегу маленького чистого озера. Естественно, и все разрешения были оформлены верно и в кратчайшие сроки, и вся проектная и строительная документация тоже делалась и согласовывалась без проволочек, и все коммуникации были подведены заранее и с запасом, и строители прекрасно знали с самого начала, как надо строить. Не говоря уже про прекрасный асфальт до облцентра, дорожки, спортивный комплекс, охрану, магазины и т.д. и т.п.

В итоге Николай Федорович, по знакомству подключившийся к проекту на этапе, когда все свои уже заселились и приняли решение для массовости разбавить «своих» сторонней, но чистой публикой (из москвичей, конечно), за год построил себе скромный (по меркам большинства соседей), чуть за сотку квадратов, двухэтажный домик, во второй части поселка, которая неофициально называлась «Дрова» (а первая – «Большие шишки»). Еще с год совмещая работу в Москве и поездки на дачу (с расширением Москвы и приведением в порядок дорожной сети это стало даже почти удобно), Седов тянул с принятием окончательного решения. Но, когда дочь, уже отучившаяся к тому времени в институте, но так и продолжающаяся фри-

лансать со своим молодым человеком, сказала ему как-то после общей семейной встречи у брата (у того уже появился свой сын, и как раз год внуку Седов ездил отмечать), что они тоже подумывают о детях, но... Он решил. Копившиеся вопросы о смысле жизни к этому времени трансформировались у него в четкую уверенность, что все пошло не так, причем во всем мире, и очень давно. Как математика, основанная на неверной таблице умножения. А последние события на мировых рынках ценных бумаг только укрепили эту уверенность. В общем, он написал завещание, отдал ключи от своей московской квартиры дочери, неспешно уволился с работы и уехал в область.

И вот, уже пару лет он жил здесь, в чистом сосновом воздухе, потихоньку вырабатывая новый распорядок дня, меняя привычный уже вынужденно суетливый московский образ жизни на неспешный деревенский, колеся по окрестным лесам на машине за грибами да ягодами, иногда выбираясь на рыбалку, или прогуливаясь по окрестностям поселка пешочком. Качество продуктов здесь было получше, чем в столице, цены ниже, а в случае чего – до областного центра было 20 километров по отличной асфальтовой дороге (почти пустой, кто понимает).

Махнув дежурному охраннику на выезде из поселка, Николай Федорович под бодрую музыку радио проехал около 10 километров в сторону облцентра, свернул налево по указателю «Михайловка», проехал еще около пятерки по асфальту похуже до деревни и, сбавив скорость, перешел на более-менее приличный грейдер. По нему надо было ехать до первого места тоже километров пять, а дальше разведанные места с опятами пойдут одно за другим. Местность, по которой ехал Седов, была ничем не примечательна. По правой руке были поля с лесополосами и редкими перелесками (летом в этих перелесках бывали грузди и подберезовики). По левой руке почти рядом с дорогой уровень земли незначительно (на пару метров, но не враз, а постепенно) понижался, и рос старый лес. Лес этот был сыроват, и вглубь становился сначала заболоченным лесом, а потом и просто переходил в откровенные болота. Они, имея достаточно внушительный размер, лежали на дальних границах трех областей, подпитывали несколько речек и озер и служили прибежищем для уймы птиц (а в сезон – и для охотников, кто понимает). Но ближе к болотам грибов уже не было, а вот в ближайшей полосе этого леса как раз были. Все это выглядело в точности так, как должен выглядеть лес средней полосы в конце октября, то есть серенько, сыренько и неуютно, и даже отдельные елки с соснами не могли выправить общий пейзаж своей редкой зеленью. В некоторых местах грейдер пересекали грунтовки, в основном, ведущие на поля, но попадались и отвороты в лес.

Добравшись до нужного пересечения, Николай Федорович съехал с грейдера и потихонечку начал заруливать в лес. Теперь все зависело от того, насколько далеко можно будет проехать. Пока дорога выглядела вполне проезжабельно, грязновато, но без засадных мест, следы были только от легковых машин, да и действительно – грузовики, которые могли сделать колею или просто разбить дорогу в хлам, тут не ездили, а от грибников да охотников на джипах урону было немного. Лес в этом месте был неоднородным, была пара полян, за последней из которых было единственное сложное место – довольно крутой спуск на метр сразу, причем через достаточно узкий просвет в кустах. Однако машина держала уверенно, жидкой грязи не было, а вода со склона скатывалась, и съехал Седов вполне спокойно. Еще метров триста – и он на первой точке. Переобув сапоги и пискнув сигналкой, он пошел проверять, как там дела. Точка была примечательна тем, что на относительно небольшом пятачке было около десятка старых поваленных стволов, на которых могли расти опята. Могли – и росли, но только на паре, и еще совсем маленькие, чуть больше спичечной головки. Еще на нескольких стволах были видны следы срезов, то есть или кто-то собрал более крупные, или наоборот попался любитель мелочи. Николай Федорович не расстроился, самое главное – опенок пошел, он просто вернулся к машине и уже не переобуываясь проехал еще с полкилометра по одной из хорошо заметных даже под опавшей листвой лесных дорожек. Второе место мало отличалось от первого, только поваленных стволов было поменьше, а пятачок побольше. И до него неизвестный

любитель мелочи еще не добрался. Седов потратил около часа, выбирая на заросших стволах опята не более 2 сантиметров в диаметре (у каждого свой любимый размер).

Тем временем солнце поднималось все выше и даже стало просвечивать сквозь облака, ощутимо пригревая. Набрал и оттащив в багажник по очереди две корзины, слегка вспотев, Николай Федорович глотнул минералки и решил таки набрать еще и пакет, уж больно опенок был хорош. Никаких проблем со сбором не возникло, однако начала меняться погода. Солнце вроде бы продолжало периодически посвечивать сверху, а вот внизу, на уровне деревьев, начал то ли образовываться, то ли подтягиваться со стороны болот сыроватый туман. Добрав пакет, Седов засунул в багажник и его, переобулся, почистил веточкой сапоги и решил перед обратной дорогой выпить чашку чая с бутербродом. Есть особо не хотелось, но с этим туманом он подмерз. Сказано-сделано, десять минут с чашкой чая в теплой машине, и он согрелся и поехал в обратный путь. Качество дороги за это время никак не могло измениться, и туманная дымка тоже совершенно не мешала обзору, однако по мере приближения к границе леса туман уже совершенно скрывал дальние перспективы. Хотя в этих перспективах не было и не могло быть ничего интересного для Николая Федоровича, он решил пошутнее выскочить на подъемчик, что было не лишним и с учетом все-таки скользкой дороги. Прижав газ для небольшого разгона, Седов заметил, что туман после подъема на первой полянке за кустами клубится вроде бы гуще, хотя должно быть наоборот. Ниссан совершенно без проблем взял подъемчик, и вот тут началось.

Мозги Николая Федоровича в критических ситуациях всегда автоматически начинали соображать в ускоренном режиме, что и позволило ему на работе быть очень эффективным кризисным менеджером в хорошем смысле этого слова. Это свойство сохранилось и сейчас, поэтому он смог отметить сразу несколько начавших происходить безо всякой видимой причины или повода вещей: опора под колесами машины внезапно исчезла, и они с машиной падают с неизвестной высоты; туман имел вид стенки, проходившей как раз на верхушке подъема, где была граница с кустарником, и сейчас, проскочив эту стенку, они выскочили на освещенное почти не закрытым облаками солнцем место; место это, хоть и похоже на те небольшие поляны, которые оставалось проехать до грейдера, другое – полянка гораздо меньше, неправильный овал метров 20 в самом узком и метров 30 в самом широком месте; за счет скорости работы мозга время растянулось неестественно, а высота падения оказалась всего сантиметров 20-30, и машина спокойно приземлилась на все четыре колеса; и самое главное – все органы чувств и сознание Седова стали медленно отключаться, как свет в кинотеатре перед сеансом. Ни боли, ни давления, ни шума, ничего выдающегося, просто подступает темнота и глухота. И уже на остатках чувств он отработанными движениями водителя вжал тормоз, перекинул рычаг на нейтралку, повернул и выдернул ключ, одновременно гаснущим зрением видя, как на эту же полянку с противоположной стороны то ли выскакивают, то ли вываливаются из кустов несколько человек. И скорее всего так же без чувств оседают на пожухшую сухую траву, покрытую опавшей листвой. На этом он и отключился, и уже не почувствовал, как его руки упали на колени, а тело осело, повиснув на ремне безопасности.

Дочка Седова, которой он говорил о желании поехать за грибами, через пару дней захотела узнать, как там улов. И ожидаемо не смогла дозвониться. Связь в области давно была хорошая, 4 джи, привычки отключать телефон у Седова не было, и после еще двух-трех неудачных попыток дозвониться дочь заволновалась. Связалась с братом, тот конечно же сначала сам послушал «абонент находится вне зоны действия сети», после чего было решено съездить в поселок. Матери дети решили пока ничего не говорить. Приехав на следующее утро в поселок, они без проблем попали в коттедж (запасные ключи Николай Федорович оставил у сына), но никаких признаков чего-то особенного не нашли. Машины не было, все остальное было на своих местах, ничего подозрительного. Решив повнимательнее осмотреть дом, брат с сестрой разошлись по комнатам. В спальне на стуле лежали домашние треники и футболка, в холо-

дильнике стояло пол кастрюли супа, лежали продукты. Но некое напряжение в пустом доме чувствовалось, и дочь, открыв хлебницу и увидев выделяющийся плесневыми пятнами хлеб, внезапно вскрикнула отчего-то, как будто увидела труп. Подтверждение многодневной пропаже нашлось, и было решено идти в органы.

Как мы говорили, в поселке все было налажено, как надо, в том числе и полиция. Детей Седова выслушали серьезно, дали молодого сотрудника, с которым они еще раз прошли в дом, посмотрели на обстановку и хлеб, попытались дозвониться (с известным результатом). Центральные улицы поселка и выезды писались на камеру, но поднимать видео сначала даже не понадобилось, так как опрос охраны позволил установить, что да, выезжал, три дня назад, с утра, на своем Ниссане. Обратного в дежурство той смены не проезжал. Тут уже все завертелось по серьезному. Заявление о пропаже человека (писал сын), акт осмотра дома, просмотр видео с камер и все, что еще делается в таких случаях. Поселок в плане подобных происшествий, да и вообще в плане правонарушений, был тихий и спокойный, поэтому на детей никто не стал давить в стиле «а может, он вернется» или «а может, он к любовнице поехал или забухал». Однако по горячим следам сделать больше было ничего нельзя, и дети Седова вернулись в Москву, взяв, конечно, контакты для связи.

Буквально за неделю было сделано все, что было в силах районных стражей порядка (сын пару раз ездил в область – еще раз осматривали дом и гараж и искали ключи от сейфа, стоявшего в коттедже). Нашли и ключи, и небольшие, но приличные деньги в сейфе, и документы по вкладам, что снимало версии ограбления и уезда-побега. Последняя фиксация сотового была с ближайшей же к поселку вышки. Камеры на въезде в облцентр в ту дату машину не фиксировали. Местные полицейские прекрасно знали, куда здесь в основном ездят за грибами, поэтому проверили и Михайловку. В Михайловке серый Ниссан вроде проезжал, но не точно. Над лесом даже пролетели пару раз на вертолете, погода позволяла, с известным результатом. Тупик. Тут с сыном связался бывший сослуживец Николая Федоровича – подошел срок продлять договор о брокерском обслуживании, так как часть денег (и приличная) была у Седова в бумагах, а дозвониться не смогли. Полиция копнула и туда, но выписки со счетов подтвердили, что крупных движений давно не было, и тем более никто не продавал бумаги и не снимал крупные суммы в последнее время.

Так и сказал сыну Седова полицейский капитан, вызвав примерно через месяц для окончательного разговора с глазу на глаз – пропажа человека подтверждена на 99%, и в розыск мы и его, и машину объявим, но я бы не стал вас обнадеживать. Если бы что-то случилось с машиной, выйти к людям он бы смог сам, ну, за полдня, тут в любую сторону недалеко, кроме болот. А вот если что-то случилось с человеком... Ну, и болота тоже нельзя исключать. Там утопить колонну Камазов без следов найдется где, а уж один человек...

Сын все понял и осознал, однако дела так не оставил. По совету знающих людей удалось относительно недорого нанять ребят, которые любили возиться с квадрокоптерами и при случае не отказывались на этом подзаработать. Неделю эти энтузиасты на двух машинах выезжали в область и планомерно прочесывали своими шайтан-леталками большой кусок леса, попадавший под подозрение. Начало зимы в Подмосковье было ожидаемо бесснежным, и из-за отсутствия на деревьях листьев это было лучшее время для поисков чего-то, предположительно потерявшегося в лесу. Результат оказался нулевым. Все находившиеся в лесу машины были вполне себе с хозяевами, как правило грибниками или охотниками.

Тем временем дочь с матерью (естественно, она давно была в курсе) занялись (уже по женским знакомствам) поиском по своей линии. Была найдена настоящая гадалка, которая (Дорогая, я тебе говорю совершенно точно! Она виинидиит!) на самом деле чего-то где-то видела. Цена похода к гадалке оказалась сравнима с наймом энтузиастов-коптерщиков. В качестве вещдоков была принесена фотография Николая Федоровича (обязательно на бумаге, иначе Сила не откликнется) и та самая домашняя футболка. Гадалка не обманула ожиданий

женщин как по внешним атрибутам (полумрак, хрустальный волшебный шар, ароматические свечи, каббалистические символы, черная с серебром хламида, пронзительный взгляд, двойной подбородок), так и по процедуре (рассмотрение фото через специальную свечу, перед свечой и над свечой, рассмотрение фото через шар и перед шаром, тройной расклад карт таро на футболке).

А вот дальше все пошло несколько не по плану. Выставив дочку в приемную под предлогом того, что беременным нельзя (хотя дочка и сама еще точно не знала, отчего задержка) гадалка совершенно обычным, нормальным голосом сказала бывшей жене Седова – жив он. Но не у нас, очень далеко и глубоко отсюда. Столкнулся с той силой, которой до людей, как нам до муравьев, случайно, так чаще всего и бывает, но остался жив. Обратно уже не вернется, не надейтесь, это даже не фантастика будет. Станным образом успокоившиеся женщины до сына эту информацию донесли, он поморщился, однако холонок, все это время несильно сжимавший сердце, как-то разошелся и у него. После вступления в наследство дети коттедж в Залесном все же продали, бывать там всем было тяжело. А родившегося сына дочка с мужем назвали Николаем, в честь деда.

2

Иван Иванович, Великий князь Рязанский, снова собрался бежать. Собственно, это было продолжение его побега из ненавистой Москвы. С самого детства Москва занимала основное место в разговорах и семьи, и вообще окружения князя. Рязань, стариннейшее Великое княжество, проигрывало Москве по всем статьям. Мало того, оно сотни лет служило Москве заслоном с юг-востока, принимая на себя первые волны постоянных татарских нашествий, теряя людей и подвергаясь разграблениям гораздо чаще, чем соседское. Сама же Москва (ну, ее князь, конечно) вот уже много лет занимались тем, что собирали русские земли под себя, где хитростью, где коварством, а где и прямою силою, успевая при этом воевать и с Литвой, и с ливонскими орденами, и с теми же татарами, а еще – приводить под свою руку северную торговую вольницу, и как бы между делом прибирать старые княжества (и Великие, и обычные) в свое владение. Основная часть этих захватов, присоединений, соборов – называй как угодно, суть-то одна – прошла при отце нынешнего князя Московского, Иване третьем, которого даже в его Рязани открыто называли «Собирателем».

Круто взялся Иван Московский, сын ослепленного отца, и законы поменял, и раздачу земель по другому стал вести, и кремль невиданный доселе в Москве строить начал, с венецианцами, германцами да османами задружился, да даже герб новый ввел и печати с «государем всея Руси» завел. Кровь при этом лилась, конечно, постоянно, но кровь дело обычное, ей на Руси никого не удивишь, как и интриги княжеские, как и предательства боярские... Бояре...

Князь Иван скрипнул зубами. Сколько лет, десятилетий точила эта ржа бояр рязанских?... Вот и слуги вернейшие во многих поколениях, Коробьины, что всю советовали с прошлого года поехать да решить вопросы с Москвой миром, оказывается, с рук Москвы кормились и с голоса ее пели. А ведь там дядьки-бояре, которые с малолетства учили княжича кто ухваткам воинским, кто наукам и прочим житейским премудростям. Оказалась ловушкой поездка эта, хоть и княжеской – заперли Ивана в палатах в самом кремле, правда, урону чести великокняжеской не делали, почет и уважение оказывали, слуги и содержание приличными были, да и друзей к нему допускали все время. Друзья...

И тут уже князь не скрипел зубами, а только головой покачал. Рязанский великокняжеский двор маленький, бояре, что веками служили князьям Рязанским, ближе, чем иная родня. Вот и бегал с десятком мальцов с малых лет вместе, озоровал и проказничал, как им положено. А что один из них княжич, двое Кобяковых, двое Коробьиных, а остальные – тоже из близких, Сунбуловы да Глебовы, Олтуфьевы да Калемины, никто по молодости особо не разбирал, вваливали, бывало, всем. Так было, да. Да только умен был княжич все же поболее, чем отроки его лет. И как начали учить его дядьки-бояре уже наособицу от остальных, как княжеством да

людьми его управлять, появились у него заметки, что не все гладко. Научился он примечать да разбирать, кто с чужих голосов поет, понимания своего не имеет, а кто и вообще – сабелькой помахать да на лошадке поскакать горазд, либо за столом герой, а в остальном пень пнем. Научился, да только где ему было что-то переменить, когда сам только из отроков в юноши перешел, а треть лучших земель княжества дядя напрямую Москве по завещанию передал, княжеством мать с бабкой управляли, а бабка – сестра старого князя Московского и была? Вот так и дожил до 24 лет, а только и успел, почитай, меньше пяти лет сам княжеством управлять, да и то, все кивали на Москву, как бы князь Василий не осердился. Да и правление почти обманом пришлось у матери забирать. Мать...

Тут уж князь не скрипел зубами и не качал головой, а только вздохнул. Отца не помнил почти, единственный родной человек – мама, души не чаявшая в единственном же сыночке. Вот оно и вышло, что бабка делала как Москве лучше, мать – чтобы ее сыночку не обижали, а как взяли его в полон, так мать в монастырь и законопатили враз. Ну, по княжескому повелению, конечно. Да и среди друзей, что десять лет назад вместе детьми бегали, часть даже к Москве за князем не поехала, дескать, это их княжьи дела, нам ли в них лезть, заранее признав, по сути, власть Москвы над Рязанью. Хотя надо сказать, что и среди друзей по семьям прошла трещина размером с хороший овраг. Семен Коробьин уговорил, по сути заманил, князя ехать в Москву, а Федор Коробьин поперек двоюродного брата пошел и Ивана не оставил. Димитрий Сунбулов отговорить от побега пытался, да когда все прошло, к побегу присоединился и не отказался вперед в Рязань, где наместник Москвы Иван Хабаров уже всю распоряжался, поехать верных людей собрать. Хитрован Гридя Кобяков, что и затеял и провернул сам побег, в суматохе московской от вестей о подходе войска Мехмет-Гирея с юга, вообще против Кобяковых пошел, больше никто из всей этой большой семьи открыто против Москвы не выступил. Семен Глебов вроде и из тех, что только сабелькой помахать горазды, а прорыв из Москвы двумя ватагами с отвлечением стражи организовал немногими своими людьми.

Да, остались верные люди, вот только толку во всем этом оказалось мало, ибо встретил их после запыленной трехдневной скачки почти у самой Рязани верный человек, посланный на всякий случай Гридей вдогонку Сунбулову отдельно, да и рассказал дела невеселые: Сунбулова бояре сразу выдали Хабарову, и письма все при нем нашли, Хабаров с верными Москве войсками пришел, почитай, с целым полком, всю боярскую головку заставил крест целовать, что не встанут бояре за Ивана и не отдадут Рязань татарам, так как Мехмет-Гирей действительно подступает к городу, и уже видели его разъезды. Конец осени, дни короткие, решено было на ночь отправить человека этого к тем, кто хоть крест Хабару и целовал, но про кого точно было известно, что стоит за Рязанского князя. А пока встали на отдых, пополнили и перепаквали поклажу для заводных коней, ибо из Москвы ускакали почти безо всего, и легли спать.

Рассвет спокойствия не принес. Человек Гриди то ли попался, то ли сдали его москвичам, в общем, сам не вернулся, однако по людям пройти успел, хоть и по немногим. Добавились Федор Коробьин, да не один, а с тремя людьми и частью казны княжеской, которой в отсутствие Ивана заведовал (удача), да Ефим Олтуфьев, тоже товарищ игр детских, который опять-таки поперек семьи пошел, тоже власть Москвы признавшей. Федор и предложил, пока нет ясности ни с погоней из Москвы, ни с Хабаровым, ни с татарами, уйти на север, к самой границе княжества в одну из его деревень, там передохнуть и уже после решать, что делать. Так и с татарской дороги уйдут, и погоню с пути сбросят. А чтобы лишних ушей и глаз избежать, порешили уйти малым числом, при этом отпустить часть людей в Рязань с наказом сидеть им там пока тихо, слух же через них пустить, что пойдет князь по Оке к Мехмету. В таком разе и Хабаров, и московская погоня за ними не пойдут. Поснедали, чем бог послал, оседлали коней и поехали.

Да на выходе уже Коробьин вытащил небольшой тючок и негромко посоветовал князю и друзьям надеть легкие кольчуги, которые он с собой прихватил, так как с таким разладом в

боярах ожидать можно чего угодно с любой стороны. Потратили пять минут, скрытно вздев кольчуги. Вот и выехала в девятом часу утра не вскачь, но поспешая, группа в десять человек: князь Иван, да Федор Коробьин, да Семен Глебов, да Гридя Кобяков, да Ефим Олтуфьев, да пятеро воев – двое из коробьинских и трое из кобяковских, да коней заводных двое. Проехали на случай дальнего пригляда версты три по Оке вниз, вроде как туда и собирались, сторожась, но не особо скрываясь, а потом в удобном овражистом лесочке свернули на север. Немного проехав лесом, кружным путем вышли на северную же дорогу, что тянулась вдоль него на расстоянии полета стрелы, и двинулись на север уже неспешной рысью. Выстроились походным порядком: впереди дозор из троих воинов, далее князь, рядом с ним Федор и Семен. Здесь же, но чуть позади – Гридя и Ефим, и замыкали колонну двое воинов с заводными лошаадьми, везущими самое нужное в небольших тюках.

Князь с ближниками все же стали снова обсуждать, что дальше делать. Вариант уйти под руку Москвы уже даже не рассматривался, вариант с налету захватить Рязань, на который, честно говоря, особо рассчитывал князь, провалился из-за прямой измены или нежелания воевать по серьезному у рязанских бояр. Можно было, действительно, уйти к Мехмету. Можно было уйти в Литву. Примут и там, и там, как дорогого гостя, но и тот, и тот случай делал князя Ивана игрушкой в руках настоящих правителей больших стран, с деньгами и армиями, а не его огрызка княжества, которые будут использовать его только для давления на Василия Московского. Некоторые возможности появлялись, если Мехмет захватит Рязань или Москву, что было вполне вероятно, так как пока никаких точных данных о количестве его войск не было. Еще одним вариантом было вернуться, если московские войска, которых привел с собой Хабар, уйдут из Рязани в ходе ожидаемых боевых действий с Мехметом.

Было что обсудить, но во время всего этого разговора князь Иван все продолжал прокручивать в голове события последних дней: побег, известия о рязанских боярах, московских войсках наместника и подступивших татарах. Все планы, которые он строил ранее, до поездки в Москву, в плену, во время побега, оказались порушены. Да и немудрено, ведь, как стало окончательно ясно ему, строились они без учета предательства и слабости близких, лжи и коварства московских князей и их приспешников и неверной оценки самим князем своих собственных возможностей. Переспав последнюю ночь с этой печальной мыслью, князь в полной мере смог оценить поговорку «куда ни кинь – всюду клин», да. Из обсуждаемых вариантов на самом деле ни один князю не нравился, так как под ними не было прочного, надежного основания, которое позволило бы князю проводить любые действия, чувствуя свою правоту.

И даже его никем не оспариваемый великокняжеский титул, о котором ему говорили с почтением с самого детства, которым он владел, безусловно, по полному праву, без поддержки бояр оказался... пустым. Типа ярмарочного «Владыки земель заморских», как скоморохи называют куклу в блестящих богатых одежках. Стало тоскливо на душе, горько во рту, пора было делать привал, и хотя бы заесть и запить эту горечь. Проехали они с утра уже верст 15, до нужной деревни было еще примерно столько же, так что пора перекусить в укромном месте, лучше в лесу, и до вечера, глядишь, доедут.

Однако, подняв взгляд на дозорных и собираясь дать им команду на привал, князь вдруг увидел, что один из троих резко сует в спину второму нож или кинжал, причем несколько раз, после чего оставшиеся двое отрываются от основной группы еще саженей на 10 и начинают разворачивать коней, доставая сабли. «Измена?!» – успел подумать князь, толкнуть рукой едущего справа Семена, ногой – едущего слева Федора, да крикнуть что-то невнятное, привлекая внимание задних, и потянуться к сабле. И тут в них полетели стрелы, а из кустарника, растущего справа по краю леса, выскочили еще два конника, направляясь к замыкающим. Дальше для князя все как-то смешалось. Стрелы из леса летели редко, но куда-то попадали, судя по чмокающим звукам. Два предателя спереди особо не приближались, видимо, боясь попасть под них, и он рванулся к ним в припадке бешеной ярости, желая разрубить на множество кусков это

зримое воплощение предательства, занимающего все его мысли. Очередная стрела клюнула его в спину, но попав под углом в кольчугу, вреда не принесла. Рывка его хватило на правого предателя, после мгновенного обмена первыми ударами с которым князь на силе отбил его саблю и рубанул наискосок чуть не через пол тела. В это же время конь князя начал оседать, поскольку основная часть стрел все-таки досталась именно ему. Налетевший слева с бешеным лицом на второго изменника (и так же на раненом коне) Федор в три удара смог выдернуть его саблю кистенем, и ударить сначала по ребрам, а потом по голове. Сзади слышались крики, хотя Семена видно не было, его конь рухнул сразу. «Они бьют по лошадям» – подумал князь, соскакивая с уже совсем падающего коня, и тут стрела воткнулась ему в бедро правой ноги. Боль от нагрузки на раненую ногу была такова, что в глазах у него помутнело, и он опустился на землю.

Когда он через какое-то время очнулся, все было кончено. Впереди валялись два убитых изменника и три мертвых коня, причем один из них был конем Федора. Неловко приподнявшись на руке и повернувшись к лесу, князь увидел самого Федора и Семена, идущих к нему, причем лицо у Семена было в крови, но шел он вполне спокойно. У самой опушки лежало еще несколько человек и лошадей, но кто там и что – понять было нельзя. Чуть позади на дороге сидел Ефим около своей мертвой лошади, морщась и щупая бок. Гридю не было видно, и вообще, больше никого не было видно.

–Княже! – на ходу ускоряясь, заорал Федор – как ты, княже?!

–Цел – морщась, ответил князь – подранили вот.

–Клянусь тебе, княже, Христом-богом! Не я эту измену задумал! – продолжал Федор, подбегая и бухаясь перед князем на колени.

–Да не ори ты – ответил князь – это и так понятно. Ножик под ребро сунуть ты и без того мог.

–Да ты что, княже!! – продолжал орать Федор – Да чтоб я!...

–А кольчуги что же? – спросил князь. Федор заметно сник.

–Ну... знаешь же, что в Рязани вчера... я и подумал, что мало ли...

–Давай-ка, княже, посмотрим на твою рану – сказал подошедший сзади со своей сумкой Ефим – помоги, что ли, Семен.

–А Гридя-то где? Цел? – спросил князь, пока его втроем ворочали и сидя пристраивали на тушу коня.

–Цел – коротко сказал Семен, обтирая ладонью кровь с лица – пошел проверить, где были эти, засадники. Да вон он идет.

И действительно, из кустов на опушке вынырнул Гридя и торопливо пошел к собравшимся. Тем временем Ефим вспорол штанину князя, достал из сумки какую-то баночку и свернутый холст для перевязки.

–Вроде ни жила, ни кость не задета, в мясо вошла, да и не бронебойка. Сейчас попробуем достать, я мазь наложу и забинтую.

–Погоди – сказал Иван – что Гридя нам расскажет.

Подходящий Гридя вопрос услышал и начал рассказывать.

–Засада была небольшая, человек семь-восемь. Двое, которые были с нами, должны были спереди нас отрезать, двое сзади – ну, вы видели, они к моим поскакали, а тем временем сначала наших лошадей, а потом и нас из луков должны были положить. Потом всех ограбить, раздеть, тела стащить в лес, и все – князь Рязанский пропал неизвестно где, наверное, татарове убили, а может, сам сбежал. Люди это Хабарова, но и наши есть. Да какие они наши, паскуды... Про то, что поедем мы в ту деревню Федора, они точно не знали, поэтому такие же засады должны сидеть еще в трех-четырёх местах. Людишки умелые, двое моих с ними схлестнулись, мои положили обоих, правда, один мой тоже не выжил тогда – жилу подрезали, а уж потом, когда те, что с луками засели, увидели, что враз нас свалить не получается, они начали панико-

вать. Второго моего тоже все-таки застрелили, правда, он уже успел в кусты ворваться и одного из них стоптать. Эх, такие ребята были... Ну, тут и мы с Семеном подросли и дело докончили. Подо мной-то коня тоже сразу убили, я справа ехал. А Ефима придавило маленько.

Семен кивнул.

–Это кто ж тебе все это рассказал? – спросил князь.

–Ну, не все они сразу умерли, которого конем мой стоптал, пожил еще... немного. И в лесу еще один тоже... не сразу. А вот плохо то, что то ли один, то ли двое смогли уйти и всех коней лучников – они в лесу чуть поодаль привязаны были – увести. А мы теперь без лошадей. Совсем.

–Так что, княже? – спросил все приготовивший Ефим – ташу? Тут вроде не так страшно.

–Таша, чего уж – ответил князь и оперся руками поудобнее.

Семен с Федором придержали князя, Ефим ловко вытащил стрелу, тут же прижал густо потекшую кровь тканью, другой рукой поменял ткань на смазанный мазью валик из той же ткани и бойко начал наматывать вокруг ноги полотно. На ноге тем временем начал наливаясь заметный синяк, а полотно – пропитываться кровью.

–Стрела чистая – вполголоса заметил Гридя.

Закончив перевязку, Ефим сказал – а ну-ка привстань, княже, идти сможешь?

Федор с Семеном подняли князя, Семен остался под правой рукой. Стоять было можно. Князь сделал шаг, другой, третий... Плохо, медленно, но идти было можно. Вот только куда?...

–Сажайте меня, черт... куда нам теперь идти? У Федора тоже могут оказаться эти... про-давшиеся...

–Князь, да я!.. – снова завел свои слюни и сопли Федор, пока Семен опускал князя на землю, чтоб тому можно было вытянуть раненую ногу.

–Не начинай, Федя – сказал князь – сколько можно, если б не твои кольчужки, наши тела бы сейчас раздевали и в лес оттащивали.

–В меня три раза попали, как началось – сказал Гридя – в кольчугу. Далековато тут все-таки до леса, стрелы не на излете, но сила не та уже.

–В меня два – сказал Семен – тоже в кольчугу.

–Один – сказал Ефим, потирая правый бок – зато от души, ребра хрустнули. А что это у тебя на руке, кстати, Гридя?.. Чего рукав в крови весь?

–Да ерунда, царапина. На опушке зацепил один из лучников.

–Давай-ка тоже намажу да перевяжу.

–Да ерунда! Не течет почти уже!

–Давай, давай, хотя бы мазь наложу. И Семену щеку распороли, тоже надо смазать.

Пока Гриде мазали и перевязывали руку, а Семену морду, князь сидел и думал.

–Ну что, други, к Федору нам нельзя. Назад нам нельзя. На дороге нам оставаться нельзя – или погоня московская поспеет, или татары наскочат. На любых открытых местах то же самое. Поэтому только в лес. Надо собрать все нужное, что на себе унести можем, да уходить. Тела наших унесем на опушку, хоронить времени нет, хоть в ямке какой укроем. Лошадей прибрать не сможем. Если тут хоть дня два-три никого не окажется, зверье все растащит, а дальше уж и не поймешь. Если хоть один человек ушел, что мы живы, они скоро узнают, узнают и куда мы направились, и где нас искать, а тогда на нас, пеших да раненых, откроют охоту, загонят да прикончат. Так что сейчас в лес, но не особенно глубоко – мне с ногой потом не выбраться. Так, по опушке, неподалеку...

–Листья уж все опали – с досадой заметил Гридя – нас же видно будет, сейчас бы по ельничку или по сосняку, да тут их нету...

–Через пару верст будет ельник – встрепенулся все еще сохраняющий виноватый вид Федор.

–Сосняк... к Никодимычу! – внезапно воскликнул молчавший до этого Семен.

Все вскинулись. Никодимыч, старый воин из дружины еще отца князя, который учил ребятшек обращаться с копьем, был знатным копейщиком. Но, получив стрелу в руку в стычке с татарами, лет десять назад ушел из дружины. Ему был выделен небольшой, можно сказать крошечный надел на границе аж четырех княжеств – Рязанского, Муромского, Владимирского и Московского. Надел был на небольшом кусочке старого соснового леса, рядом озеро, а дальше простирались огромные непролазные болота, из-за которых и границы-то в этом месте у княжеств были довольно условными. С Рязанской стороны туда еще можно было проехать, не пересекая этих условных границ, а вот с других княжеств – вряд ли. Ребята заезжали к старику лет семь-восемь назад, его небольшое семейство срубило в бору у озера хорошее подворье, жило рыбалкой, охотой, ну, и пахали и огородничали немного. Место было удачное, вряд ли кто-то стал бы искать беглого князя в такой глуши, да и татары не полезли бы большим числом в очевидный тупик вдалеке от торных дорог, а от мелкой группы Никодимыч с семьей отбились бы. Но до него было было...

–Сколько до туда, Семен, верст сорок? Это мы седмицу ковылять будем.

–Меньше, мы успели прилично отъехать.

–Можно к Федору завернуть, лошадей взять... аккуратно ночью...

–Это чего я, у самого себя лошадей должен брать?! Ночью аккуратно?!!

Заговорили все разом.

–Да тише вы! – снова поморщился князь (ногу начало дергать) – так и сделаем. Сейчас рядом с дорогой дойдем до тех ельников, дальше, видимо, там и ночуем, а потом уж посмотрим, как до Никодимыча добраться. Раз уж на меня охоту по всему моему княжеству объявили с засадами, в любой деревне показываться нельзя, надо схорониться, как зверю в логово – горько добавил он.

Все сконфужено отвернулись и примолкли, разойдясь по делам. Федор с Семеном пошли к заводным лошадям, где лежала их невеликая казна и другие припасы, Гридя пошел еще раз проверить оставшееся оружие и седельные сумки остальных лошадей, а Ефим вместе с ним пошел собирать съестное и лекарские припасы, если попадутся. После чего в две пары рук стаскали своих воинов в промоинку в лесу, а засадников-предателей просто свалили рядом с дорогой. Князь тем временем делил припасы на удобные для переноски сумки, после чего перекусили и попили из фляг. На все про все ушел как бы не час. Солнце стояло к обеду.

Первая верста далась относительно легко. Федор, пополневший на управительской работе согласно должности, тащил самое тяжелое, серебро с золотом, пыхтел, обливался потом, но согласился отдать Семену только небольшую часть поклажи – Семен, как самый крепкий, поддерживал князя с правой стороны. Остальное несли всего понемногу, основное было у Гриди, а еще он взял один из луков засадных лучников и собрал с дюжину стрел. Ефим нес пару скаток одеял, кое-что нашлось для перевязки, и поддерживал князя с левой стороны. Федор сначала вырвался вперед, но под тяжестью груза быстро начал сдавать, и переместился назад поредевшей и превратившейся из конной в пешую колонны, где и плелся рядом с Гридей, взявшим на себя роль разведчика, зорко посматривающего по сторонам и иногда, когда видимость впереди скрывали кусты, деревья, либо поворот дороги, вырывавшимся вперед, чтобы исключить случайные встречи. Хорошо еще, что конец листопада выдался морозным, который день подмораживало, и грязи не было. Это сильно помогло князю и при побеге из Москвы, и сейчас. Иначе все бы они на той дороге и завязли.

На второй версте ногу князя начало дергать сильнее, пошла испарина, и вроде бы в сапог начало течь. Князь не выдавал своего состояния, но и по побледневшему лицу, и по замедленному шагу можно было многое понять. Сильно стали тянуть к земле спасительные кольчуги. Кривился на правый бок Ефим, незаметно переносил поклажу с подраненного правого на левое плечо Гриды, у Федора ныла отбитая при падении с коня спина, и только Семен, как

столб, продолжал придерживать князя при ходьбе и переть вперед, хотя порезы на его лице снова начали немного кровоточить. Все потели в теплой одежде.

На третьей версте стало совсем плохо, в сапоге князя откровенно хлюпало, они попробовали сойти с дороги, но опушка оказалась неровной, заросшей кустами, да еще и с понижением в сторону леса. Матерясь, вернулись на дорогу и пошли уж совсем черепашьям шагом. И вот впереди в сплошной серо-коричневой чаще леса показались первый хвойные деревья. Правда, они начинались не сразу рядом с дорогой, а через несколько небольших полян, отделенных от открытой части местности, где и проходила дорога, кустами и редкими цепочками деревьев. Взмыленный красный Федор взмахом руки подтвердил, что да, туда. С облегчением свернув с дороги (Гридя проверил, чтобы по возможности не осталось следов), они прошли по пожухлой траве через первую – редкую – цепь голых кустов, через прогал с небольшим понижением прошли еще ряд деревьев, и уперлись в сплошную стенку деревьев и кустов, росших уже так густо, что через них даже было плохо видно дальнейший лес. И вроде бы там стоял туман. Странно, и морозец был (хотя сейчас пригрело), и солнце светит, а там туман? Но надо было идти, нашли местечко, где кусты были пореже, и проломилась на полянку, саженей десять в ширину и пятнадцать в длину. За ней, снова с понижением, начинался матерый лес, на его границе стояла стенка того странного тумана, из которой совершенно внезапно на них с ревом выскочил... выпрыгнул... вылетело... нечто режущее и сверкающее огромными светящимися глазами, и тут на них навалилась невидимая тяжесть, и они только и смогли, что осесть там, где стояли, теряя сознание.

3

Через сколько времени к Николаю Федоровичу начало возвращаться сознание, он определить не смог. На часы не смотрел ни до этого... случая, ни после. Так как сразу после было сильно не до того. Если перед потерей сознания (он это четко помнил) состояние его было нормальным, то сейчас часто и гулко бухало сердце, болела голова, во рту был сушняк, а все тело было как ватное. Зрение тоже прояснялось очень постепенно. Седов выпрямился в кресле, и, отстегивая ремень непослушной рукой, другой рукой так же неловко попытался открыть дверь машины. Щелкнул замок, и полувыйдя, полувывалившись из машины, Седов жадно вдохнул морозный воздух. Здесь (знать бы еще, где) было ощутимо холоднее, но так же по осеннему светило солнце. Нашарив в двери минералку, скрутил крышку с бутылки и сделал несколько жадных глотков. Полегчало. Выпрямившись, он прошел вдоль машины к лесу. Действительно, лес был не тот. Ну, то есть он был таким же осенним, без листьев, но Седов его не узнавал: никакой дороги в лес не было, кусты росли сплошной стеной, перепад высоты за кустами был от силы с полметра, а следы от машины начинались от этих кустов метрах в двух. До этого и трава была не примята, и на лежавшей почти сплошным ковром листве отпечатков шин не было. Все это мозг Николая Федоровича зафиксировал автоматом, видимо, придя в норму. Повернувшись обратно к поляне, Седов снова увидел лежащих людей и сразу вспомнил, что они появились там прямо перед его отключкой. Двинувшись в их сторону (ноги держали еще не очень хорошо), он, хрипло откашлявшись, спросил неровным голосом:

–Ребята, а что это тут сейчас было? Не поверите, в первый раз за рулем сознание потерял.

Подойдя к ним метра на три, Николай Федорович притормозил. Что-то тут было не так. Перед ним было пять человек, четверо из которых начали так же замедленно, как он только что, подниматься, откашливаться, растирать лица руками и заниматься прочими действиями, показывающими, что и их приложило этой неведомой чертовщиной, пятый же только привстал, точнее, поднял голову, оставаясь полулежать на траве и листьях. Все они были одеты... незнакомо. У двух ближайших были длинные, ниже колен, халаты не халаты, на вид теплые и толстые, украшенные меховой оторочкой по вороту и обшлагам рукавов, а также золотистой и серебристой вышивкой, а кое-где сверкали... камни? Или бижутерия?. Все были перетянуты поясами с... ножами?... кинжалами? и даже что-то в длинных ножнах вроде бы по сторонам

путалось. Толстячок на самом заднем плане был вообще в меховой шубе. Парень, в лице которого было что-то татарское, был одет в такой же халат не халат, но потемнее, и имел за плечом лук в чехле (и стрелы торчали), а его сосед и одеждой, и лицом был похож на какого-нибудь дьячка из фильма «Иван Васильевич меняет профессию» – в чем-то типа рясы, низенький, щупленький, с редкими усишками и жидкой бородкой. Собственно, усы и бороды были почти у всех, кроме татарчонка, так, у толстячка борода была приличная, окладистая, про дьячка уже сказано, а белобрысый здоровяк слева растительность на лице имел короткую и рыжеватую. Но сквозь все это Седов только сейчас увидел и понял, что все они очень молоды, лет 20-25.

–Так чего это было, а, ребят? Вы реконструкторы, что ли?...

–Пить – вместо ответа первым подал голос пятый, который полулежал.

Вся четверка не то чтобы рванулась, но как-то развернулась и потянулась к нему, а Седов, все еще держащий в руке бутылку минералки, на автомате скрутил крышку и сделав еще шаг, вложил бутылку ему в руку, просто сказав – на. Пока этот пятый, тоже с бородой и усами, но очень бледный, еле держа двумя руками пластик, жадно глотал воду, Николай Федорович успел рассмотреть, что одет-то он побогаче остальных, и кафтан (кафтан! всплыло слово из памяти) его гораздо богаче и расшит золотом, хоть и видно, что все швы ручные, но ровные, и ткань красивая, темно-красная. Такой же тканью была отделана и странная полукруглая шапка, тоже с вышивкой золотом и с меховой оторочкой. Сбоку на ремне у него тоже лежало что-то в длинных ножнах, обильно украшенных камнями. Штаны, типа шаровар, были темно-синие, а сапоги, которые были сейчас прямо под ногами Седова, больше всего напоминали ковбойские и тоже были из темно-красной кожи. Правая нога была замотана бурой тряпкой, и вообще вся штанина была в... крови?! Николай Федорович опять-таки машинально вспомнил похожую тряпку на руке у скуластого и разводы крови на морде у белобрысого.

–Он что, ранен, что ли? – не дождавшись ответа на первый вопрос снова спросил Седов – и не один, я смотрю? Может, вам в больницу? Так я сейчас скорую вызову – продолжил он и стал еще раз оглядывать стоящих перед ним. Все они почему-то оказались ниже его ростом, даже крепыш, но это он отметил вторым слоем, так как первым делом ему в глаза бросилось то удивление, изумление и еще черт-то что, с которым они все смотрели на него. Толстяк просто пучил глаза, татарчонок смотрел с непонятным прищуром, белобрысый вслепую шарил по поясу руками, и только похожий на дьячка, присевший около лежащего с какой-то мягкой баклажкой (кожаная, что ли?), издал какой-то всхлип или вздох, невольно привлекая к себе всеобщее внимание.

–Святая... святой! – только и смог проговорить он, перехватив двумя руками минералку у ослабевшего раненого. Все посмотрели теперь уже на бутылку минералки. Воды там оставалось не больше половины, а на этикетке было крупными буквами напечатано «Святой источник».

Повисла, как говорится, театральная пауза. Пока Седов ждал, что хоть кто-то ответит ему на хотя бы один из ранее заданных вопросов, и прикидывал, не может ли это все быть каким-то дурацким розыгрышем (выходило, что не может – выследить его этой компанией, когда он поехал за грибами, еще можно было, а вот перенос машины, туман, изменение леса и исчезновение дороги – уже не шутка), этот самый дьячок, бережно поставив бутылку на траву, бухнулся на колени, и прямо так, постоянно кланяясь в землю под ноги Николаю Федоровичу, стал просить святого старца на плохо понятном, но несомненно русском языке оборонить честных людей Христовых, великого князя Рязанского и бояр его от смерти лютой, ибо грозит им погоня от злого князя Московского Василия, от которого они еле спаслись, от людей его с каким-то воеводой Хабаром, а также от татарского войска Мехмет-Гирея, с великой силой подступающего сейчас к этим самым местам. И вот только что они чудом спаслись с боем от засады этих врагов, брели по дороге в ранах тяжелых, как Господь послал им его в свете ангельском и со святою водою для орошения ран и исцеления немочей. Примерно так.

– Подождите, подождите – отступая на полшага и поднимая руки, попросил Седов – давайте разберемся. Вы говорите, бояре князя Рязанского? А сам князь что же... эээ?

Проще не стало, так как на это он получил от того же дьячка ответ, что вот же князь Иван Иванович лежит перед ним без сил, тяжело раненый, и только святая вода спасла и т. д., и т. п.

Переведя довольно-таки оторопелый взгляд на остальных участников этой сцены (нет, какая-то театральщина тут все же присутствовала), Седов заметил, что все не так однозначно – остальные остались на ногах, но тоже ему периодически кланялись (толстяк при этом еще и крестился), а вот взгляды у них были скорее настороженными, как будто они ожидали какой-то определенной его реакции. Более того, переведя взгляд на названного князем, Седов увидел, что тот, по видимому, полностью пришел в себя, бледность немного спала, и он теперь изучает самого Седова, осматривая его с ног до головы ясными серыми глазами.

Князь Иван тем временем действительно рассматривал незнакомца. Странная тяжесть, погасившая сознание у них всех на этой поляне, отняла у него последние силы, и пока остальные все-таки приходили в себя, он, еще находясь в полузабытьи, попросил пить, чтобы смочить просто невыносимо сухое горло. И тут же ему в руку положили сосуд с вкуснейшей, прохладной водой, лопавшейся на языке волшебными пузырьками. Утолив жажду и передав странный, абсолютно прозрачный сосуд из мягкого... стекла? подоспевшему Ефиму, князь начал осматривать того, от кого принял эту святую, как было написано на бутылке, воду. В глазах и в голове его постепенно прояснялось, и он мог уже четко разглядеть стоящего буквально в шаге человека, освещенного неярким осенним солнцем. Человек был стар. Небольшая и почти совершенно седая борода не скрывала его возраста – лет ему было, пожалуй, за шестьдесят. Зеленовато-серые глаза его смотрели без угрозы для них и без опаски для себя, скорее оценивающе, и немного с непониманием. Человек был высок, выше даже Семена, и крепок. Непонятно, был ли он воином, но в нем не было ни сухости монахов-схимников, ни тучности и показной важности старых бояр, ни готовности договориться хоть с кем купцов. Голос его был голосом уверенного в себе и своих действиях человека, пожалуй, привыкшего командовать другими людьми, хотя и немного хриплым после того, что тут с ними случилось. Одет он был тоже странно. Шапочка, больше всего похожая на монашескую скуфью (видимо, как раз это в сочетании с водой привело Ефима к выводу о святом старце). Верхняя одежда короткая, но ни такой ткани, ни такого покроя князь не знал – темно-зеленая, с блеском и переливами, меха ни кусочка, но прошита в нескольких местах очень тонким и очень ровным швом. Ряд накладных кусков из той же ткани, расположенных справа и слева, видимо, что-то должен означать, а отделка из невиданно яркого металла, но не серебра. Похоже на сталь, которую начистили до состояния зеркала, и смогли так оставить или покрыли абсолютно прозрачным лаком. Застежки такой князь вообще не знал, как будто полоса того же металла со странной очень мелкой насечкой, по которой эта одежда раскрывалась от горла. Штаны тоже не простые, ткань по виду тонкая, но крепкая, и тоже прошита таким же изумительно ровным швом, причем прошита хитро, особенно на коленях. Но особенно князь удивился обуви. Похоже на фряжские башмаки со шнурками. Материал – то ли толстая ткань, то ли крашеная кожа, нескольких видов, сшито вроде бы кусками, но в целом смотрится очень богато. И они разные! Правый и левый отличаются! А подошвы такой князь не видел вообще, как из цельного куска кожи пальца в три толщины, с какими-то вырезами и насечками.

Пока длилось это взаимное рассматривание, мозг Николая Федоровича потащил из глубин остатки образования, исторические фильмы и романы, а также обрывки прочей услышанной или прочитанной им информации, которая могла помочь в данном случае.

– Погодите вы – еще раз сказал Седов – Мехмед-Гирей это татарский хан?... Ну, крымско-татарский? А Василий Московский эээ третий это собиратель земель, что ли?...

–Точно так, святой отец – все-таки поднялся с колен дьячок – крымский. А Василий третий – князь Московский, а собиратель – отец его был, Иван, тоже третий этого имени, помер пятнадцать лет тому.

–Стоп. А какой сейчас год?! – задавая этот банальный, даже анекдотический вопрос, Седов и сам понимал, что это все уже совсем за рамками, и тут уже не театральщина, а чертовщина или даже что похуже.

–Нынче у нас кончается листопадень 7028 года – просто ответил дьячок, не задавая вопросов.

–А от Рождества Христова?!

–Это будет... – дьячок замешкался, прикидывая, а Седов обратил внимание, как что-то поменялось в окружающих. Князь так же смотрел на Седова, не меняясь в лице, у татарчонка появилась какая-то настороженность, крепыш начал поворачиваться к князю с неммым вопросом на лице, а толстяк перестал креститься и медленно опустил руки, ожидая, чем все эти непонятки закончатся.

– Это будет 1520 год, от рождества-то! – сосчитал дьячок. И замолчал, теперь уже тоже вопросительно глядя на Седова. Все взгляды, и князя, и остальных, будто задавали ему теперь вопрос – ну, что скажешь?

Седов развернулся, дошел до багажника, снова открыл его, вытащил одну корзинку и, подойдя с ней на прежнее место у ног лежащего князя, секунду помедлил. Все ждали.

–Господа. Меня зовут Николай Федорович Седов. Я родился в 1966 году от рождества Христова, сейчас мне 54 года, и я сегодня утром выехал на машине за грибами из поселка Залесное сюда, в этот лес. Я – не духовное лицо, хотя и крещеный, православный. Что и как случилось, я не знаю. Но главное в том, что сегодня утром, когда я выезжал за грибами, у меня был конец октября 2020 года от рождества Христова. Пятьсот лет минус. А грибы-вот – и он поставил на землю красную пластиковую корзинку, полную отборных опят.

Вторая пауза затянулась подольше первой. Седов смотрел на князя, поэтому даже вздрогнул, когда подошедший ближе толстячок сказал:

–А что, хороший опенок. Как их у вас там, через пять сот лет, солят?

Вздрогнули, наверное, все. Вопрос прозвучал так не в тему повисшего напряжения, что еще пару секунд все недоуменно молчали, а потом блондин хмыкнул тихонько, дьячок приснул, сдерживаясь, и все разом засмеялись. Да что там, заржали даже. Смеялся и Седов, от души, снимая с души повисшую тяжесть, смялся князь, хотя и охнул, видимо, неловко двинув ногой, и сам толстячок к смеху присоединился тоже.

–Да это же опенок, как их солят – отсмеявшись, все же ответил Седов – Промыл, отварил минут 15-20, дал стечь и сложил слоями грибы с солью. На неделю под гнет, потом разложить по банкам, рассолом залить и в холодильник... эээ... у вас в погреба, наверное, или на ледники? А по приправам – так я только укроп кладу и несколько горошин перца на банку. Ну, чесночка еще можно. Нет, делают и с хреном, и со смородиновым листом, но это не по мне. Это вот к груздям надо, для лучшего хруста, а опенок и так хорош.

Вполне удовлетворенный ответом улыбающийся толстячок хотел еще что-то сказать, но тут раздался голос князя:

–Что ж, сие удивительно слышать, но после последних событий я готов поверить во что угодно. Мы же, действительно, головка великого княжества Рязанского, а нынче беглецы. Я – великий князь Рязанский, Иван Иванович, любитель грибов – казначей и управитель хозяйства моего, Федор Коробьин, за святого тебя принял Ефимий Олтуфьев, грамотник наш и собиратель учености. Этот вот русский богатырь – Семен Глебов, мой воевода, а это – Гридя Кобяков, ловчий и... ну... вообще ловкий человек. Титулы сии действительные, но после всех событий, о которых хоть и сумбурно, но верно Ефим тебе поведал, уж и не знаю, кем нас теперь считать. Да и сколько мы проживем...

Смешки, прекратившиеся еще во время слов князя, теперь превратились в неловкое молчание. На лицах пятерки не осталось и следа недавних улыбок.

–Давайте мы вот что сделаем – сказал Седов – я сейчас еще кое-что проверю, и попробую вас подлечить. Аптечка у меня с собой небольшая, но все нужное есть.

Вернувшись в машину (бутылка с минералкой тем временем пошла по рукам), он включил радио. На ФМ волнах ожидаемо было пусто, так же тихо оказалось и на длинных. Телефон, висевший на панели, тоже показывал отсутствие сети. Зайдя для проверки в навигатор, Николай Федорович уже совсем ожидаемо обнаружил отсутствие спутников. Вздохнув и убрав телефон в карман, Седов достал аптечку и пошел обратно к людям. Аптечку Николай Федорович давно комплектовал примерно втрое больше от того, что требовали последние либеральные гаишные правила. Будучи по молодости свидетелем трех-четырёх приличных аварий (слава богу, не участником), он как-то прикинул, что считает на самом деле необходимым в дороге, и с тех пор старался поддерживать примерно нужное содержание аптечки при смене машин. Впоследствии туда добавились еще кое-какие препараты, однако все это было мелкое, и чемоданчик практически не отличался от стандартного формата автоаптечек. Ничего особо выдающегося там не было, но сейчас все должно было оказаться в тему.

Подойдя к князю со стороны раненой ноги, Седов положил аптечку на траву и открыл ее. Специфический запах медицины, всегда сопровождающий изделия всех в мире фармацевтов, разнесся по поляне. К нему на помощь сунулся было со своей сумкой Ефим, но неожиданно между Седовым и князем вступил Семен. Вступил и стоял молча. За его правым плечом возник Гридя. И если взгляд Гриди впился в содержимое аптечки (как и взгляд Ефима, смотревшего через вытянутые ноги князя с другой стороны), то Семен смотрел только на князя с неким вопросом.

–Ну, что ты, Семен – мягко сказал князь – Старец Николай нас святой водой напоил, да и крест на ларце его (аптечка была с обычным красным крестом). Нам, вроде бы, уже некому верить, но если и кресту святому не доверять, так проще самим в омут кинуться или вон к князю Московскому в гости вернуться.

Семен так же молча отступил на два шага. Ефим, наоборот, придвинулся к самой аптечке и открыл было рот.

–Я понимаю, что у вас у всех тысяча вопросов, Ефим – гораздо жестче, чем только что князь, сказал Седов – но давай сначала разберемся с медициной... с лекарством. Мне нужна чистая вода, надо вымыть руки и раны обтереть. И тебе тоже, будешь мне помогать.

Тот же Семен так же молча полил из баклажки на руки Седову и Ефиму, после чего Седов достал две влажные салфетки, одной тщательно протер руки сам, вторую дал Ефиму, который повторил его действия. Запах антисептика дополнил ароматы, уже витавшие над поляной.

–Основные болезни, в том числе те, от которых воспаляются и гниют раны, происходят от мелких, не видимых простым глазом живых существ, больше всего которых в грязи и гнили – видя, как распирает Ефима, не стал молчать Николай Федорович – поэтому против них очень помогает мытье, причем обязательно чистой, лучше всего кипяченой водой. Ну, и баня, вообще хорошо. Бинты, перевязочные материалы, лучше кипятить и держать... ну... хоть в провощенной обертке. Еще эти мелкие вредители не любят крепкий алкоголь, ну, спирт, который горит. Вот похожим спиртом салфетки и пропитаны были. У вас же спирт вроде уже есть?

–Есть – ответил Ефим – курят из бражки, но помалу. Горло он дерет, да и наутро нехорошо с него, так что это уж совсем для запойных (рядом кто-то хмыкнул), а вот лекари используют. Некоторые травы и коренья на нем настаивать полезнее, говорят. А что за мелкие вредители?

–Да, спиртовые настойки некоторых веществ гораздо полезнее отваров. Те же согревающие мази взять. А вредители... ну, вот в болотной или любой стоячей воде заводится всякая мелкая живность, личинки комаров и прочее, все видели, наверное? Но тех увидеть можно, а

есть и те, размер которых еще мельче и их просто так увидеть нельзя. Хотя... У вас подзорные, ну, зрительные трубки уже появились? Вдаль смотреть если, приближают которые?...

Пятерка недоуменно переглянулась, потом все глянули на Ефима. Тот в свою очередь пожал плечами.

–Ну, немного позже придумают, значит. А линзы, линзы-то есть? Стекла такие, прозрачные, особым образом шлифованные, выпуклые, увеличительные, через них видно лучше?

–Линзы есть – снова внезапно встрял Федор. Он, как и Семен с Гридей, стоял рядом, глядя на «медиков», однако перешел ближе к машине и больше смотрел в ее сторону.

–Что вы на меня уставились?... У ювелиров я видал, они камни драгоценные через них проверяют! Редкая вещь, ценная! Из особого ларца доставали, в три слоя ткани укутана была! Сказали, из горного хрусталя сделана была.

Все снова хмыкнули, а князь сказал:

–Уели тебя, Ефим. Не ученые, а купцы да ювелиры новинку используют, а с ними Федору больше всех общаться приходится.

–Так вот, если взять две такие линзы и закрепить их во вставляющиеся друг в друга трубки, можно увидеть то, что далеко, в приближении. Две трубки – чтобы можно было, сдвигая и раздвигая, под разные глаза настроить. Только линзы должны быть на одной оси и стекло чистое.

Тем временем под эти разговоры Седов с помощью Ефима подложил под ногу князю одну из сумок, чтобы место ранения было на весу, накинуд жгут и осторожно размотал повязку (пришлось все же отмачивать водой, по краям и сверху от раны кровь успела засохнуть), приготовил в аптечке бинты, тампоны и небольшой пузырек с перекисью водорода.

–Князь, сейчас мы еще раз промоем рану водой, а потом вот из этого пузырька – показал Седов – надо будет промыть рану, для того, чтобы ее от этой заразы, про которую я говорю, очистить. Будет драть, если грязь есть – пойдет белая пена с пузырьками, если нет – только прижжет немного, и все.

Все снова несколько напряглись, но князь только кивнул. Рану обмыли водой, и Седов сначала полил перекись на тампон и осторожно обтер ее по краям. Видно было, что князь почувствовал боль и сжал, зубы, однако ничего не сказал. Грязь занести не успели, и белой пены почти не было. Промыв рану, Седов наложил на другой тампон заживляющую мазь и с помощью Ефима начал бинтовать ногу обычным бинтом. Ефим, видя качество материалов и чистый белый цвет бинта, только вздохнул, скосив глаза на лежащий здесь же холст от своей перевязки, выглядевший (да и бывший, если честно) окровавленной грязной тряпкой.

–Так вот, а если те же линзы в трубках собрать не две, а больше, и немного по другому, можно увидеть сильно увеличенные мелкие предметы уже не вдаль, а под носом прямо. Придумают сначала зрительные трубы, да вроде они уже есть у испанцев или португальцев, потом этот микроскоп (смотреть мелкое – перевел Ефим). Ну, а уж с ним потом и откроют эту мелочь животную и разберутся, как она влияет.

–И когда это будет? – жадно спросил Ефим, не забывая, впрочем, придерживать повязку.

–Подзорные трубы скоро, в этом веке точно. Микроскоп лет через сто, а до мелочи этой доберутся лет через двести примерно. Но раз линзы уже есть, можно хоть сейчас собрать.

Повязку наложили, жгут сняли, и пока князю помогали надеть штаны, Седов достал из аптечки две упаковки таблеток.

–Князь, если вы почувствуете, что у вас начинается жар, если начнет лихорадить, то скажите мне – я вам дам таблетку, ну, пилюлю, жаропонижающее. А вот это вам лучше принять прямо сейчас, это болеутоляющее, рана не будет дергать, хотя голова может немного тяжелой стать.

Чувствуя на ране приятный холодок от мази, расслабившийся князь сказал Седову:

–Старче, давай уж условимся. И по возрасту твоему, и по положению нашему зови нас по именам, ну, меня можешь звать – княже, как мои. А мы тебя будем звать старче, или старцем Николаем, ибо хоть и говоришь ты, что не духовное лицо, но только божеским промыслом я могу объяснить появление твое именно в этом месте именно в это время. Жара у меня нет, скорее, озноб и слабость, а вот это твое... боле утоляющее приму, не помешает.

–Так у вас же... у тебя, княже, потеря крови была! – спохватился Седов – надо пить больше теплой сладкой жидкости, да хорошо бы сок морковный, свекольный или вина красного для крови. Сахара у вас нет, наверное, так с медом!

Засуетились Ефим и Федор. Оказалось, в вещах есть и мед, и фляжка вина. Полезли доставать и разбавлять. А сам Седов тем временем принес из машины термос, в котором было еще больше половины вполне горячего чая с молоком и медом.

–Вот, княже. Горячий сладкий чай – налив в крышку, он подал ее Ивану.

–Чудно – сказал заметно повеселевший князь, аккуратно прихлебывая чай и держа крышку двумя руками – и часу не прошло, как мы встретились, а сколько чудес уже увидели. Видано ли, металлическая фляга, сама холодная, а напиток горячий, как только разлитый.

– Это термос (по гречески «горячий» – вставил вездесущий Ефим) – уже поняв, что объяснять ему в ближайшее время придется много, сказал Седов – там два слоя стали, а воздух между ними откачан. При такой... конструкции внутри холодное останется холодным, горячее – горячим. Полдня точно, может, и побольше.

–Давайте тогда князю этот термос и оставим – сказа Федор, подошедший с кубком – а мы пока и водой обойдемся.

–Подожди, княже, не пей вино пока – сказал Седов, убирая термос – сейчас я таблетку достану, она не сильно горькая, но вкус неприятный, лучше запить.

Достав упаковку, он задумался. Его современникам, с детства привыкшим к таблеткам, в такой ситуации могло и одной таблетки не хватить, а тут люди 16 века...

–Вот что – подумав, все-таки сказал Седов – лекарство это рассчитано на нас, людей моего времени. Мы такое (и подобные) с детства принимаем, организмы привыкшие, а для вас внове будет. Так что половинку я дам тебе, князь, а вторую, наверное, Гриде – у него же тоже рука ранена?.. Сейчас перевежем, кстати, тоже.

Гридя начал отказываться, говоря, что у него все хорошо, что уже почти не болит, что если каждую царапину перевязывать, и т. д., но тут вмешался Ефим и попросил вторую половинку себе. Оказывается, у него продолжал ощутимо болеть бок от той стрелы, которой его и свалили с коня. Но на вопросы Седова – не колет ли в груди, не тяжело ли дышать на вдохе – он со знанием дела ответил, что ребра точно не сломаны, ну, может, треснули, а синячище, наверное, знатный. Выпили по пол таблетки, князь запил вином, Ефим запивать не стал и даже не поморщился. Принялись перевязывать Гридю. Тут перекись показала свой шипучий нрав – то ли сабля у ныне лежащего на опушке мертвым в трех верстах неизвестного засадника была грязная, то ли рубаха у Гриди не очень чистая, однако пена была обильной. Седов с Ефимом уже быстрее промыли, наложили мазь и перевязали. Тут же протерли тампоном с перекисью лицо Семена, и Седов смазал его порезы медицинским клеем, предупредив, что он смывается, и надо просто будет смазать по новой. Примерно треть бинтов ушла, на дальнейшие перевязки князя придется использовать местные материалы – отстраненно подумал Седов, пакуя аптечку и убирая ее обратно в машину. Рядом с машиной обнаружился Федор, которого (после перевязки князя) не очень заинтересовали такие же процессы обработки и перевязки своих соратников, а вот автомобиль привлек внимание очень сильно. Он уже разглядел через стекла все внутри, пришел в восхищение, и готовился вывалить на Седова очередную порцию вопросов вместо Ефима. Последний, кстати, тоже далеко не отходил. Князь сидел на сумках, отдыхая, и лицо его уже принимало нормальный цвет, а Семен и Гридя после медпомощи отошли в сторону дороги, посмотреть, как там что, как сказал Гридя.

–Что же за чудная повозка у тебя, старче? Как она ездит?

–Это автомобиль, да-да, Ефим, самодвижущийся – говорил Николай Федорович громко, понимая, что князю не меньше друзей интересно, но надо же держать лицо.

–Возьмем для примера обычную повозку, с верхом, типа кареты, закрытого возка, или как они у вас называются. Здесь корпус из металла, колеса тоже, на колесах – резиновые покрышки с вырезами (вот эти черные) для лучшей проходимости и мягкости езды. Для мягкости еще рессоры – вот эти пружины, здесь немного видно. Передние колеса поворачиваются рулем, вот это колесо на месте водителя, который и управляет ее движением. Под передней крышкой в этом выступе – двигатель, который, как ясно из названия, и двигает эту повозку. Работает он за счет того, что внутри сгорает бензин, это из очищенной нефти, ну, земляного масла, делается. От сгорания того бензина особым образом вращается главный вал, а от него передачами на другие валы, примерно как на водяных мельницах, вращается ось с передними колесами. Примерно такими же передачами вращение рулевого колеса передается на ось для поворотов. Делать их у нас начали примерно сто лет назад (от вас четыреста вперед), и сотню лет отлаживали да придумывали всякие штуки, а первые и правда были похожи на простые тележки. Едет она по нашим дорогам (а они у нас в основном гладкие, из смеси смолы и песка) с скоростью до двухсот километров... эээ... верст, если я правильно помню, в час. Но обычно ездят не более ста верст в час. Если дороги хуже или бездорожье, такой скорости не будет, конечно. Ну и в совсем жидкой грязи застрянет и через воду может ехать, только если дно твердое и глубина не более чем по колено. На сто верст по хорошей дороге надо десять литров... эээ... чуть меньше ведра бензина. Нет, сам сделать не могу, да и даже если что сломается, то починить могу самую мелочь. Делают ее на огромных... эээ... заводах, это как кузницы, только раз в тысячу больше, очень много станков (у вас вроде токарные появились?), делают тысячами штук, получается быстрее. И бензин сделать сам не смогу. Весит полторы тонны... эээ... примерно сто пудов, места на пять человек, считая водителя. Еще багажник, туда тоже можно чего полезного загрузить.

–Старче – раздался голос князя, который слушал весь этот рассказ очень внимательно, хотя и не задавал Седову мелких вопросов, как Ефим с Федором (А это что, зеркала?! А это что, серебро?!) – а ты и твоя... машина сможете отвезти нас отсюда верст за сорок?

К подобному вопросу Седов был, считай, готов. Все время с момента попадания, или даже уже можно сказать «попадания», какая-то часть его мозга обсасывала разные варианты развития событий, пыталась найти причины, почему он, почему ровно на 500 лет, почему именно в это время все случилось именно с ним, что он может сделать и может ли вообще. Этот второй процесс работал отдельно, как у компьютера, однако периодически в голове у Седова всплывали, скажем так, промежуточные варианты его работы. Однозначно надо было проехать хотя бы немного по этим полям, вдруг появится нормальная дорога, столбы с проводами или пролетит самолет. Вдруг появится связь, а то, что ее сейчас нет – это сбой электроники при том странном случае. Вдруг это не его перенесло, а эту пятерку в его время, а отказ связи – сопутствующий эффект. Так Седов себя не то, чтобы успокаивал, но несколько откладывал окончательное принятие реальности на потом, после проверок этих предположений. Это трудно, вот так вот признать себя провалившимся на пятьсот лет в прошлое, для тех, кто понимает. Да и для всех остальных тоже.

Поэтому к подобному вопросу Седов был, считай, готов. Повернувшись к князю, он медленно сказал, как будто отрезая самому себе все пути назад, в 21 век:

–Смогу. Бензина верст на 400-500, ну, на 400 точно. Если у вас тут морозцы стояли хотя бы два-три дня и ехать не через реки и болота – смогу проехать почти везде. Машина всех шестерых потянет, только надо проверить, а то я ее после этого... всего... еще не заводил.

–А долго нужно это... проверять и заводить? – задал следующий вопрос князь – а то мы все-таки действительно ждем погоню, да и татары могут нагрязнеть.

–Нет – улыбнулся Седов – проверить и завести – это, как раз, недолго.

Сел в машину и, не закрывая водительскую и дверь и багажник, который так и был открыт с экскурсии для Федора и Ефима, он вставил и повернул ключ. Стартер схватился сразу, и машина сыто заурчала. Федор отшатнулся, а Ефим, наоборот, чуть не полез вслед за Седовым. Переключив передачу, Николай Федорович нажал на газ и, повернув вдоль поляны, проехал метров пять. Все было в порядке, движок работал как обычно, на панели не горела ни одна аварийная лампочка. Заглушив двигатель, Седов вышел к несколько побледневшей пятерке, встретившей его в полном составе (Семен и Гридя на звук мотора живо прибежали от дороги обратно), и сказал им, не удержавшись от шутки, понятной только ему: такси свободен, прошу садиться!

Садиться, однако, никто не поспешил. Собравшись возле так и сидевшего на сумках князя, на импровизированном совете выяснили: что морозец стоит третий день, и земля должна подмерзнуть, хотя вообще-то для морозов рановато; что ехать надо по дороге общим направлением на север, дорога примерно такая же, как здесь (Седов с Гридей сходили, посмотрели на дорогу, на ней хоть и присутствовали тележные колеи и кое-где замерзшие лужи, но ехать было вполне можно. Еще лучше и проще было ехать рядом с дорогой, по полям); что деревень прямо на дороге нет, но в паре мест будут отвороты, а дорогу лучше всего знают Федор (одна из крупных деревень его семьи поблизости, в ней они и собирались пересидеть изначально) и Семен, который чаще других бывал у Никодимыча, на дальнем хуторе, куда им и надо попасть; что лучше бы им на глаза никому не попадаться, и если Седов сможет ехать в сумерках – то и вообще хорошо, хотя светло будет еще часа три (видимо, ни про сто верст в час, ни про хотя бы пятьдесят Седову не поверили).

После чего посчитали военный совет законченным и принялись готовиться. Довели до переднего пассажирского места князя, который порывался идти сам. Болеутоляющее подействовало, но ногу напрягать ему все равно не дали, на переднем месте он уместился хорошо, нужно было лишь чуть-чуть подвинуть кресло. Попробовали разместиться в салоне, после того, как отстегнули сабли и сняли все лишнее теплое (Седов сказал, что включит печку), колюще-режущее и габаритное с себя, это получилось практически со второго раза. За князем уселись самые худые – Ефим с Гридей, Семен, которому надо будет выходить показывать дорогу – за Седовым, и по центру Федор. Все-таки все были мелковаты. В багажник поместились все сумки беглецов и верхняя одежда. Опята пришлось вытряхнуть. На одном из торцов полянки обнаружился почти готовый проезд, срубили пару кустов (саблями, у Седова в машине был топорик, но он даже не успел его достать), и Ниссан спокойно выехал. Прежде чем окончательно уехать, Седов с Гридей вернулись и еще раз обошли поляну. Остатки от перевязки Седов сразу собрал в отдельный мешочек, Ефим старые бинты прибрал тоже, а больше ничего и не было. Следы от машины на земле, конечно, оставались, особенно после того, как все в нее залезли, но с этим ничего было поделать нельзя. Хлопнули дверцы, и Седов, не включая фар, повел машину вдоль дороги на север. На поляне остались только три кучки отборных, со шляпками не больше двух сантиметров в диаметре, опят.

4

Первое время Седов вел машину не торопясь. Все-таки в салоне было шесть человек, да и ситуация была нетипичной. Однако минут за десять он освоился и стал держать скорость километров сорок, а на прямых открытых участках – и пятьдесят в час. По сравнению с состоянием леса пятьсот лет вперед ему было видно, что здесь лес и поля не имели такой четкой границы (ну да, тракторов-то еще нету), поэтому петлять приходилось много. Сначала Седов еще осторожничал, пытаясь разглядеть дорогу, чтобы не поймать какую-нибудь железку, а потом сообразил, что еще пару веков железки на дорогах бросать не будут, и притопил. Попавшийся ручей никаких проблем не доставил – мелкая вода и подмерзшие берега. В тепле (Николай Федорович сразу включил печку, как обещал), на мягких диванах, глядя по сторонам через прозрач-

ные стекла, все пассажиры, включая князя, были в полном восторге, особенно понравилось Семену, а уж когда специально для него Седов один раз разогнался до 70, на лице Глебова прочно поселилась почти детская улыбка. Разве что еще при посадке Гридя, учуяв выхлоп, обеспокоился – где горит, так что пришлось для него и Семена еще раз коротенько повторить, что едет машина за счет того, что внутри горит бензин (из нефти). А раз горит, то и дым идет.

Пользуясь относительно свободным временем, Седов (ожидаемо не увидев по дороге столбов с проводами, грейдера, асфальта и т. п.) попросил князя поподробнее рассказать, как сложилась такая ситуация, что они бегут и из Москвы, и из родной Рязани. Князь вспомнил о реальности, помрачнел, но все же рассказал Николаю Федоровичу уже известную нам информацию о том, как история взаимоотношений княжества Рязанского и Московского дошла до той точки, в которой все они внезапно для себя оказались на данный момент. В процессе рассказа еще раз самому себе напомнив о ситуации, князь задумался о невеселом будущем. Перегнать у Никодимыча на озере, куда они едут, сколько-то времени, наверное, будет можно, но это сидение не решит ни одной из проблем.

–А ловко они вас развели – некоторое время помолчав, сказал Седов, у которого очередную порцию информации выдал работающий в кризисном режиме мозг.

–Кто? Куда? – восторги на заднем сиденье во время рассказа князя примолкли, и вопросы прозвучали сразу от нескольких человек.

–Ну, москвичи. Обманули и заставили делать то, что им надо. В итоге при любом варианте развития событий Москва в выигрыше.

–Объясни, старче! – не вытерпел уже князь.

–Как я – с ваших же рассказов – все это понял, Москва старается под себя всех подмять уже при третьем князе, так?… То есть несколько десятилетий имеется план, ну, как что делать, имеются доверенные князьки люди, которые только этим занимаются, наработаны приемчики разные, типа кого подкупить, кого припугнуть, а кого и прирезать по тихому, так?… Опыт по всем этим делам накоплен, опять же. Такие люди вообще-то у каждого правителя должны быть, как я понял, Гридя как раз по этим делам? – Седов повернулся к князю, тот, помедлив, кивнул.

–То, что всего три княжества не под Москвой осталось, говорит о том, что и люди этим делом занимаются опытные, и делают, в общем, все правильно, как от них и требуется. Теперь Рязань. Сосед ближайший, в верхушке – прямая родня князей московских (бабушка князя, как я понял), то есть тоже уже несколько десятков лет росло число тех, кто до Москвы всю информацию, ну, все, что в княжестве нового и важного происходит, доносил. Какие-нибудь вообще левые людишки, типа младшего помощника старшего дворника, примечали да посылали когда надо записочки с гонцами в Москву, а может и голубя почтового. Они вроде уже есть у вас?.. Нет? Ну, и без них можно связь наладить. Там еще от княжества кусок большой по честному вроде как Москве был передан? Ну вот, куда торопиться. И вот, князь Иван власть взял. А в Москве-то про него все давно знают – и чему учили (и кто учил), и как успевал, и что любит и не любит. Ну, и при удобном случае, или очередь дошла, или что, да это не важно уже, какой-нибудь человек, которому он безусловно доверял, сказал: поедь, княже, договорись миром с Москвой, живите как братья! А то и не один такой советчик был, да?… А по приезду князя-то и под замок. Оно вроде на Руси и не в первый раз, князьям под замком сидеть, да и похуже истории вспомнить даже я могу, что из ваших летописей до нас дошло, однако читать в книжках это одно, а на себе испытать – совсем другое… Но это полдела только. Молодому горячему князю не усидеть под замком, а на злое дело князь Московский то ли не решился, то ли неудобно это ему было. Но можно же сделать и по другому. Намекнуть князю с друзьями, что вот-де нету князя Московского в городе, отбыл по делам важнейшим, а вот как вернется, так и подвал и дыба и еще что похуже при упрямстве твоём, княже, последуют. Не было такого?…

–Еропкин, сука! – ахнул сзади Семен – постельничий Василя! С самого начала, он нас в палатах-то размещал, да начал клинья подбивать, что князь-де будет сильно неласков, да не вышло бы чего худого, да лучше миром решить.

Князь Иван сидел, стиснув зубы, и только выдавил из себя:

–Дальше, старче!

–Дальше вас, при удобном случае, выпускают из Москвы, дают сбежать. Про татарский набег в Москве заранее знать не могли, но когда известие пришло – совместили два в одном, а может, князь Московский для виду только уезжал, а на самом деле поблизости был и сам решал. При побеге ничего особого не было заметно?...

–Караул у нас в палатах приличный был – сказал Гридя – а как слух прошел, что татары идут, втрое убавили его, вроде как сбор дружины проводили или что-то похожее. Я еще удивился, что на ночь сбор. Ну, мы этих оставшихся тишком скрутили, повязали и ушли. Да, и оружие наше в тех же палатах нашлось...

–Двумя отрядами мы уходили – добавил Глебов – ну, по сумеркам еще... спокойно все было вроде... разве что на воротах главным караула стоял Касьян, старый знакомец. Он рязанцев не любит и всегда с нами задирался, думал я, с боем прорываться придется, если признает кого. Нет, морду отвернул и все. Я еще тогда подумал – не разглядел по потемкам. А на самом деле...

–А на самом деле скорее всего и из палат вас практически выпустили, и в воротах не держали, так как издали приглядывали, а в Рязань еще заранее весточку послали, чтоб встречали. Полк-то, который новый наместник, этот Хабаров привел, на Рязани уже стоял? И вся верхушка рязанская, которая по их данным, к князю Ивану склонялась, видимо, под присмотром была. Но и это еще не все.

–Что ж еще-то? – практически прохрипел сзади Гридя.

В зеркале Седову было видно, как почернел и заострился лицом Кобяков. Ну да, для службы безопасности это полный крах – подумал Николай Федорович и продолжил:

–Выпускать из Москвы, чтобы хватать в Рязани, смысла нет, проще все в Москве закончить было, мало ли как оно повернется. Поэтому гонца вашего, Сунбулова этого, схватили, а вас тем самым припугнули, чтоб вы в Рязань не лезли, а наоборот, подались от нее куда-нибудь вглубь. И за человечком вашим по пятам, небось, шли, а как подал он весть, кому надо, так и его схватили. И отпустили к тебе, княже, только тех, про кого и так знали, что не перевербовать... эээ... не заставить служить их кому другому, самых надежных твоих людей. И Ефиму, и Федору уйти дали, то, что при Федоре казна малая оказалась – случай, а может не узнали про нее, или еще как, не важно, так как два человека-то как раз из твоих, Федор, предателями-то были? А засады, если вы говорите, в трех-четырех местах стояли, так прикиньте сами, КОГДА надо было решение принимать и людей рассылать? Как бы еще не до того, как вы из Москвы сбежали.

В таком раскладе ситуация стала ясна всем. Гридя все так же скрипел зубами и шептал те самые слова, с татарскими, как нам говорят, корнями, Федор пучил глаза и обливался потом, Семен так вцепился в кресло водителя, что оно даже немного перекошилось, на лбу Ефима залегла глубокая, не виданная там ранее Седовым складка. Князь был просто мрачен, как туча.

–И последнее. К чему все это должно было придти – не собирался останавливаться Николай Федорович, понимая, что все надо выкладывать в один раз и до конца – два предателя в отряде при приближении к засаде получили какой-то сигнал (махнул кто или свистнул). Прирезали третьего, а дальше вас всех, действительно, должны были ссадить с коней и расстрелять из луков. И прикопать тела так, что не нашли. И неважно, сколько казны Федор с собой прихватил, вся она далеко не уйдет. А потом так же, по тихому, прикончить исполнителей, тех, кто в этой засаде и сидел. На это, скорее всего, при Хабарове особые люди были. И все, бежал князь Рязанский из Москвы, бежал из Рязани, да и пропал неведомо куда. Может, татары посекали,

может, за границу сбежал, да только нет его больше, а княжеству без князя быть нельзя, и вот все оставшиеся бояре (исключительно по своей воле, конечно) бьют челом князю Московскому – прими нас, князь-надежа, в свои руки. Тот не откажет, конечно. И появится в титуле князя Московского еще и «Великий князь Рязанский», как это в моей истории и произошло.

–Так ты все знал, старче! – рывком вышел из состояния тучи князь.

–Нет, княже. Извини, но в нашей писаной истории про эти события ничего подробного нет, я бы сказал тебе сразу. Только то, что Рязань, как и все остальные княжества, примерно в это время перешла под руку Москвы. А почему я сказал, что вариант по любому для Москвы беспроегрешный – уйди вы сейчас хоть к тем же татарам, так через месяц по всем базарам слух пойдет, что князь-то Иван-то рязанский своих предал, к басурманам переметнулся, хотел Москву да Рязань татарам сдать. Уверен, есть такие людишки у князя Московского, которые слухами подобными занимаются. Вот и выходит: пропали вы – прекрасно, живы – тоже хорошо, все Москве на пользу, а к власти вас не допустят уже в любом случае.

Гридя, который на заднем сиденье складывал те самые слова в различные комбинации уже не шепотом, а вслух, не удержался:

–Кем же ты был там у вас, старче, что вот так все нам разложил!

–Был я, самый близкий пример по вашим меркам, управляющим отделения банкирского дома, или большой меняльной конторы, или купеческого товарищества. А учился вообще по типу Федора, экономике, то есть хозяйством управлять правильно. Вот только все то, что для вас – жизнь, для нас уже седая древность, чему у вас люди всю жизнь учатся, у нас в одной книжке на тридцати страницах прочитать можно. Выучить не выучишь, но запомнишь. Да ты не расстраивайся так, Гридя. В твоих условиях по другому случиться и не могло. Вот вы же знаете Софью Палеолог? Она вроде прошлого князя Московского женой была, то ли внучка, то ли племянница последнего константинопольского императора?...

–Гречанка!.. Змея!.. Ворожея ромейская! – послышались голоса с заднего сиденья.

–Ну вот, вижу, знаете хорошо. У нас среди ученых бытует мнение, что именно с ней пришло на Русь многое из тех закулисных... эээ... тайных дел и приемов подлых, и интриг, чем Византия веками, слышите – ве-ка-ми у себя занималась. Они и отравители, и тайные убийцы, и шпионы, то есть прознатчики, и любители заговоры составлять были чуть не тысячу лет. Каждый против каждого по три заговора составлял, все за всеми следили, никто никому не доверял. На этом и погорели, когда их османы завоевали. Представляете, какой опыт накопили?... А с учетом того, что молодость она в Риме при папском дворе провела, да как истинная католичка и там всего этого нахваталась...

–Как?! – ахнул Ефим – православная она была!

–Ну, у себя была православная, в Риме стала католичка, а как на Русь пристроится захотела, стала снова православная. Дело бабское, житейское, Ефим. Еще и не то за власть творят. Но вот привычки эти, хватки, да видимо и людей кое-каких, в таких делах сведущих, она на Русь принесла. И люди эти, с чего я этот разговор начал, уже десятилетиями тут устроились и работают. Гридя против них – что вчерашний отрок, в дружину взятый, которому пару ухваток показали, супротив матерого дружинника. Он, может, и силен, да у того умений и опыта в десятки раз больше.

–Выходит, даже то, что спаслись мы кольчужками Федоровскими да чудом Божьим, вроде как и ни к чему... Что же с Рязанью да с Русью дальше-то будет, старче? Боялся я этот вопрос тебе задавать, да нам-то уж, видно, все равно теперь – выдал из себя мрачный князь.

–Расскажу, княже. Я вам все расскажу, так как скрывать что-то смысла не вижу. Может, как раз для того я к вам сюда и попал. Вот только рассказ этот будет долгий, и вести его лучше в каком-никаком безопасном месте. Кстати, куда нам дальше? Развилка впереди.

Седов остановил машину. Все вылезли размяться и сходить до кустов. Начинало смеркаться, но час-полтора светлого времени у них еще был. От памятной полянки, по прикид-

кам Седова, отъехали около двадцати километров. Впереди была былинная тройная развилка, только без камня. Основная накатанная дорога явно уходила направо, в лес. Прямо шло слабо заметное ответвление, налево – дорога, видимо, в поля, так как в отличие от скошенных лугов, в основном попадавшихся до этого, здесь в полях было жнивье.

–Направо – наше Коробьино – сказал Федор – а нам прямо.

–Так – подтвердил Семен – еще верст пять так же по краю леса, а дальше тоже направо. Но дорога тут уже одна должна быть.

Все залезли обратно в машину и поехали дальше, разве что скорость Седов теперь держал чуть поменьше. После памятного разговора атмосфера в машине была мрачной.

–Давайте я вам, что ли, музыку поставлю – предложил Седов.

–А что у тебя, старче, тут и музыканты есть? – удивился Федор.

–Музыкантов нет, а музыки – сколько хочешь. Правда, вам она будет непривычна, но есть у меня кое-что...

Седов воткнул флешку и пару минут искал нужное. Пассажиры тем временем, еще не устав удивляться новым чудесам, таращились на засветившийся экран бортовой системы, на котором вроде бы узнаваемыми буквами сами складывались и плыли в строках незнакомые слова.

–Не пугайтесь, сейчас пойдет звук – предупредил Седов, и все равно все вздрогнули, когда из динамиков раздался перебор струн.

Седова и самого пробирало от Высоцкого, и хотя песня была не из тех, которые будешь слушать часто, но записи он с собой возил. А перебор тем временем кончился, и в салон ворвался знакомый, хриплый и печальный голос:

В сон мне – желтые огни,

И хриплю во сне я:

Повремени, повремени,

Утро мудренее!

Но и утром всё не так,

Нет того веселья:

Или куришь натошак,

Или пьешь с похмелья.

В кабаках – зеленый штоф,

Белые салфетки.

Рай для нищих и шутов,

Мне ж – как птице в клетке!

В церкви смрад и полумрак,

Дьяки курят ладан.

Нет! И в церкви все не так,

Все не так, как надо.

Сперва таращащиеся в разные стороны, ища невидимого певца и музыкантов, пассажиры, на втором куплете уже начали вслушиваться в слова, почти все вроде бы привычные и понятные людям 16 века, но... какие-то не такие.

Я – на гору впопыхах,

Чтоб чего не вышло.

А на горе стоит ольха,

А под горою вишня.

Хоть бы склон увить плющом,

Мне б и то отрада,

Хоть бы что-нибудь еще...

Все не так, как надо!

Я тогда по полю, вдоль реки.

Света – тьма, нет бога!

А в чистом поле васильки,

И дальняя дорога.

Вдоль дороги – лес густой

С Бабами-Ягами,

А в конце дороги той —

Плаха с топорами.

Голос с надрывом, берущий за душу, свои невеселые раздумья о будущем, дальняя дорога, по которой они сами ехали, все это как-то сплеталось в один клубок, но странное дело – песня не усиливала тяжесть на сердце, а как будто наоборот – забирала ее и развеивала вместе с музыкой.

Где-то кони пляшут в такт,

Нехотя и плавно.

Вдоль дороги все не так,

А в конце – подавно.

И ни церковь, ни кабак —

Ничего не свято!

Нет, ребята, все не так,

Все не так, ребята!

Когда песня закончилась и все недолго помолчали, Седов сказал:

– Не надо отчаиваться. И у нас, как вы видите, и через пятьсот лет бывают проблемы, и жизнь подкидывает те еще испытания. Что-нибудь придумаем, пока вы живы.

– Старче – спросил расчувствовавшийся к концу песни Федор – а он... кто? Пел вот?

– Человек большого сердца – немного помолчав, сказал Николай Федорович – Много песен написал, стихов... Ну, как песни, только без музыки. Актером был, ну, лицедеем, только не ярмарочным, а настоящим. Мог заставить людей рыдать и смеяться. Умер рано. Такие в любые времена долго не живут. Но он жил уже тогда, когда голос, музыку и кино... ну, картинки, как оно на самом деле, научились записывать, и поэтому пока его слушают – он вроде как жив.

– Нет ли тут колдовства какого...

– Запись эта не живая, а как слова, хоть на чем написанные, повторяется только так, как записана была. Давайте я вам еще раз поставлю, послушайте, точь-в-точь все.

Послушали еще раз.

– А нам можно будет еще что послушать? – совсем по мальчишески влез Ефим – и посмотреть? Картинки эти?...

– Пока можно – тихонько усмехнулся Седов – пока работают мои... приборы... и машина, будет что вам послушать и посмотреть. Да вот, хотя бы – и он свободной от руля рукой достал из внутреннего кармана кошелек, бросил себе на колени, и, вытащив из него небольшой кусочек бумаги, передал его князю, после чего убрал кошелек обратно. Князь аккуратно взял то, в чем любой человек 21 века уверенно опознал бы обычный карманный календарик на 2020 год. На обратной стороне этого календарика было отличное цветное фото собора Василия Блаженного, на фоне кремлевской стены и ослепительно синего неба выглядевшего со своими цветными куполами совершенной игрушкой.

– Построят в Москве, на Красной площади, лет через пятьдесят. В честь взятия Казани – сказал он на немой вопрос князя – и это не рисунок, это фотография, то есть точный слепок, как он и выглядит.

– Умеют писать светом... – донесся с заднего сиденья потрясенный голос, естественно, Ефима.

– Нет, Ефим, там все сложнее, просто название такое придумали.

Князь некоторое время рассматривал календарик с обеих сторон, потом передал его назад, а сам негромко спросил у Николая Федоровича:

–Казань возьмут?... Уже через пятьдесят лет?... Москва, конечно?

–И Казань, и Астрахань. Возьмут даже раньше, собор будут стоять несколько лет по случаю взятия. Москва, но она станет лишь столицей Руси, Русского государства, Российской империи или просто – России. Подробности позже, как обещал.

На такой ответ князь кивнул и замолчал, задумавшись. Седову показалось, что тоска и безнадежность исчезли с его лица, и оно приобрело какое-то иное выражение. Тем временем дорога ощутимо начала забираться вправо, в лесную чащу, хотя пока шла еще не по глухому лесу, а скорее по цепочке полян, перемежающихся лесными островками. Земля здесь тоже была подмерзшей, а вот лужи встречались чаще, но проблем это не доставляло. День склонялся к вечеру, в лесу было темновато, и пришлось включить фары.

–Семен – позвал Николай Федорович, высматривая Глебова в зеркало заднего вида – мы правильно едем? Хорошо бы, не доезжая до жилья, нам остановиться, а кому-то вперед сходить, посмотреть, что там и как, да хозяев предупредить, чтоб не напугать ревом да светом. Ты прикинь, где бы нам встать, скорость нашу примерно понял же уже?

Семен сначала просто кивнул, но потом, подумав, решил пояснить:

–Как въедем в чистый сосновый лес, так и надо будет встать. К Никодимычу я и схожу, а Гридя тут вокруг посмотрит.

Прикинув расстояние и направление, в котором они все это время ехали, Седов неожиданно понял, что, скорее всего, это тот самый сосняк на озере, в котором и стоял его дом и само Залесное, из которых он выехал сегодня утром (хотя уже невообразимо давно и как-то... далеко). Все слои мозга кричали, что это не может быть простым совпадением, но пока никакой подсказки к разгадке этой тайны не возникало. И вот впереди показались зеленые верхушки сосен. Седов сбавил скорость и, вскоре найдя удобное место, чтобы съехать с дороги, остановился у края не сплошного, хорошо просматривающегося, без кустов и подлеска сосняка, на пригорке, усыпанном порыжевшими иголками, заглушив машину. Все, кроме князя, вышли, размялись, прислушались – но стояла тишина. Семен, вздев саблю и перемигнувшись с Гридей, пошел дальше по дороге, Гридя, тоже вооружившись, начал ходить кругами вокруг машины, а все остальные просто стояли и сидели, глядя на начинающее малиноветь на западе закатное небо. Седов достал из багажника термос и, обойдя машину, напоил князя остатками еще вполне теплого чая. Ефим подошел ближе и с почти неслышным вздохом подал ему календарик.

–Оставь пока у себя, Ефим – тоже вздохнул Седов. Бутылка пластиковая... ну, из-под воды, тоже у тебя? А вообще, нам надо будет серьезно подумать, что мы будем говорить людям. Если меня еще переодеть можно, а вещи из моего времени прибрать, то машину уже никуда не спрячешь, а это такой след, по которому нас просто по расходящимся слухам найти можно будет. Вот у вашего Никодимыча сколько человек на подворье?

–Ну, сам он, с женой, сын его с женой же и детьми, вроде двое у них, работники... Человечек десять примерно – ответил князь – но он надежный, не как... эти все...

–Он-да, а работники его? И как-то надо будет до них донести, чтобы они про нас молчали.

–Вокруг чисто, следы на дороге все старые и немного – доложил князю вернувшийся Гридя – о, а вот и Семен добрался до Никодимыча.

Вдали, но не так чтобы очень далеко, послышался лай собак. Он продолжился с минуту, после чего стих. Все прислушались, но больше никакого шума не последовало.

–Я выйду встретить Семена... на всякий случай – сказал Гридя, и получив кивок от князя, выдвинулся в сторону жилья немного в стороне от дороги.

Через несколько минут две фигуры, повыше – Семена, и пониже – Гриди, вместе подошли по дороге.

–Ворота открыли, пугаться не должны, я предупредил – сказал Семен – но ты это, старче... потише как-нибудь, а?

–Можно – сказал Седов – поедем тихонечко. Давайте в машину. Там колдобин нет?

–Нет, такая же дорога.

–Ну, я полный свет включать не буду.

Все снова расселись, и Седов на скорости не более 20 километров в час на подфарниках поехал среди сосен. Чистый лес просматривался еще хорошо, и почти сразу между стволов далеко слева заблестела водная гладь еще не замерзшего озера, а впереди в сумерках показалось некое строение. Подъехав ближе, Седов увидел, что на приличной поляне, скорее всего, бывшей вырубке, стоит построенный из тех самых сосен частокол, в некоторых местах пережегающийся задними стенами хозяйственных построек, тоже сложенных из бревен, а дорога выводит к воротам в этом частоколе, опять-таки собранным из приличного по толщине бруса. На вырубке-поляне было немного светлее, и все это было еще хорошо видно в подступающих сумерках, так что Седов погасил и подфарники. Одну из створок ворот придерживал молодой белобрысый парень, лет 17, с разинутым ртом глядевший на машину, а во дворе стоял еще кто-то со светильником.

–В ворота и сразу влево – сказал Седову Семен.

Николай Федорович аккуратно въехал во вполне приличного размера ворота и взял влево, сразу останавливаясь и глуша мотор. Парень кинулся закрывать ворота, закладывая створки двумя очень солидно выглядящими брусками. Все полезли из машины, и сделалось несколько шумно. Седов тоже вышел, и, обойдя машину спереди, встал около капота, оглядывая двор и встречающего их со светильником в руке человека. Это оказался высокий, не ниже самого Седова, но очень сухой и несколько сутулящийся старик, совершенно седой. Одет он был в простую рубаху и штаны, а сверху была накинута длинная меховая безрукавка. Тем временем Гридя помог выйти князю, и они оказались лицом к лицу с хозяином усадьбы.

–Здоров будь, дядька! – бодро сказал ему князь, однако, сломав голос на середине фразы – что с тобой приключилось, Никодимыч?! И где все твой?!

–Здравствуй и ты, княже – как бы через силу ответил тот – а нет больше моих. Три года тому, летом, поехали в Коробьино к куму, внуков показать. Подарков набрали, рыбки нашей с озера, ну и так еще чего. Должны были погостить дня три-четыре-пять, мы и не беспокоились. А через неделю приехал дозор твой... и сказал... что нету их...

Голос старика все-таки дрогнул.

–Я на лошадь, да в село. А там... наскочили поганые, давай полон хватать. Народ отбиваться, а они давай дома жечь. Мой-то с копьем не из худших был, сам учил, выскочил, да положил сколько-то, соседи видали... Ну, татары и обозлились... Его – стрелами... а кума с кумой, невестку, внуков, и всех кто у них в доме был... посекали... да дом тоже пожгли... потом и разобрать не смогли, кто угорел, кого зарубили... как головешки...

Старик опять замолк на некоторое время, просев голосом.

–И еще часть домов спалили они тогда, да не стали задерживаться, ускакали с полоном малым, да что нахватать успели. Я приехал – а всех уж отпели да похоронили, и пепелища разбирают.

–Мы тот набег на отходе тогда хорошо прижали – негромко сказал стоящий с другой стороны машины Семен – они в основном пленников-то бросали, правда, были и такие, кто саблей по горлу сначала... Татары, что ж...

–Да, потом кое-кто вернулся – так же через силу сказал старик – да только мои все в избе у кума были... Бабка моя, как узнала, так и слегла... Месяца не прошло, как схоронил я ее... Хорошее место, на пригорке у озера... Сам плохо помню то время, все как в тумане... Мужиков, что у меня работали, отпустил, ни до чего мне было... А приехал как-то вскоре староста Коробьинский и привез мне парнишку с девчонкой... тоже... сироты остались, родных побили, дом сгорел, родня сами без крыш, вот и решили ко мне приткнуться. Я и взял. Егорша, вон –

кивнул он на парня у ворот, двенадцати весен тогда был, а Машка, сестренка его, девяти... Да так и живем втроем с тех пор.

–Считай, треть села мужиков тогда недосчитались мы в Коробыно – тоже негромко сказал Федор – татары тогда близко к городам не совались, а частым гребнем, но по окраинным селам пошли... пока в Рязань сообщили, пока на перехват да в погоню снарядились... Но про тебя мы не знали, Никодимыч...

–Да я что... у нас же тут выселки... – вздохнул старик – теперь уже подзатынуло...

К Никодимычу подошел Ефим и молча обнял его. Старик обозначил намек на улыбку, и тоже обнял его левой рукой, продолжая держать в правой небольшую лампу.

–Твоя рука, Никодимыч! – удивился тот – лекари же смотрели, сказали, сухожилие повреждено? Ты ж через то и из дружины ушел?

–Да видишь, какое дело, Фимка... Егорша-то, как отошел, говорит мне как-то – научи меня, деда, как воевать, чтобы татарам отомстить. А я, однорукий копейщик, и показать ему толком ничего не могу. Ну, и такое зло меня взяло, что сдвинулось что-то в руке, и стал и локоть гнуться маленько, и в хвате сила снова появилась. Ну, а с того я и разработал ее, не до прежнего, конечно, но и Егоршу обучил, и, видишь, сам снова двурукий теперь. А Егорша и с копьем хорош, и с луком, да и по лесу научился ходить. Собирается к тебе в дружину, княже.

–А нету у меня больше дружины, Никодимыч – каким-то мертвым голосом ответил ему молчавший все это время князь.

Седову не было видно его лица, он стоял чуть сзади, но ему были видны лица бояр, старика и Егора, и, видимо, так сказал это князь, что после этих слов все замерли.

–Ни дружины, ни родни, ни бояр, ни города, ни княжества – так же мертво продолжил князь – да и сам я уже не князь, а не пойми кто, беглец от князя московского. Примешь ли, Никодимыч, того, кто, клятву дружинную от вас приняв, ни семью твою, ни иных людей своих защитить не смог, да и княжество не удержал?!

–Зачем так говоришь, княже?! – откровенно обиделся старик – не для того я вас мальцами учил, чтобы в ночь выгонять! Что же случилось у вас?!!

–Князь Московский, предательством бояр воспользовавшись, захватил власть в Рязани. Верными остались мне только те, кого ты видишь перед собой. Да и нас, по хитрому замыслу, по дороге в Коробыно должны были убить из засады, по счастливому случаю отбились, да ранили меня. А дальше – чудо, старец Николай на этой вот своей повозке самоезжей, довез нас до тебя почти от Рязани всего за полдня. А еще – снова татары пришли в набег, да не как три года назад, а большой силой, так что снова села запыхают да полонян на юг погонят...

Видно было, что Никодимыч огорошен такими известиями. Егор, все так же стоя у ворот, при упоминании татар встрепенулся, и во взгляде его зажглась ненависть.

–Набег Мехмед-Гирея останется в истории как зимний набег, или последний большой набег крымчаков на Русь на ближайшие пятьдесят лет. Несмотря на то, что войско у него будет большое, он не сможет взять ни Москвы, ни даже Рязани, хотя села и деревни пограбит. Более того, именно под Рязанью он понесет большие потери от рязанских пушек, и вынужден будет практически бежать, бросая полон. После чего вскоре, года через три, будет предан, заманен в засаду и зарезан какими-то ногайскими мурзами – в такой ситуации Седов просто не смог промолчать. Теперь все перевели взгляды на него.

–Вот, Никодимыч – махнул рукой князь – спаситель наш, Николай Федоров сын Седов. Перенесся к нам со своей повозкой чудесным образом из времен, на пять сотен лет вперед от нас.

–Дела... да пойдете в дом, что ж мы стоим на дворе – только и смог спустя добрую минуту сказать Никодимыч.

Образовалась небольшая толчея. Никодимыч пошел в дом первым, за ним ушли князь с поддерживающим его Семеном, Федор, Гридя и Ефим потащили из багажника всю поклажу.

Седову брать было нечего, кроме бутербродов да термоса. Сунув его под мышку, он дождался всех, проверил, не забыли ли чего в машине, настроил сигналку на беззвучный режим и закрыл машину.

–Егор, машину... повозку я закрыл. А у вас тут собачки есть, вроде лаял кто-то? – видя, что парень, которому оказалось не 17, а 15 лет, дожидается у крыльца, пока все зайдут в дом, спросил у него Николай Федорович.

–Так вон – с некоторой опаской глядя на Седова, Егор махнул рукой в другую сторону от ворот – все зайдут, попозже я их во двор и выпущу.

Рядом с воротами стояла конура не конура, загородка не загородка, из обрезков досок и жердей примерно по пояс. Поверх нее торчали два мохнатых носа приличных размеров, настоженно впитывая такие непривычные и новые запахи. Кивнув Егору и решив не выходить вечером на двор, Седов тоже прошел в дом.

Поднявшись на невысокое, с полметра, крыльцо, он вошел сначала в сени, где вытер кроссовки о половичок, а затем, ориентируясь на неяркий свет, по небольшому коридору и в комнату. Комната или горница была довольно большой, навскидку здесь свободно могло поместиться человек двадцать. Почти всю противоположную от входа стену занимала печь, правда, не обычная русская, какие Седову приходилось видеть, а какой-то неправильной формы, ближе к пирамидальным. Однако это была полноценная печка, с трубой, заслонками, какими-то полочками и выступами. По боковым стенам стояли простые лавки, бревна, из которых были сами стены, были чисто выскоблены и уже успели потемнеть, приобретя глубоко золотистый цвет. В правой стене было несколько небольших, в два бревна высотой, окошек, сейчас забраных ставнями. Так же ближе к правой стене стоял довольно длинный, простой стол, сбитый из толстых брусков. По левой стене около входа был набит ряд кольшюков, на которых сейчас висели кафтаны бояр и безрукавка Никодимыча. Под этой вешалкой на лавке лежало несколько металлических кучек, которые Седов определил как те самые кольчуги. Сам старик зажигал лучину, стоящую на специальной подставке над плоской с водой. Еще две такие уже горели в разных углах комнаты, а на столе стоял давешний светильник, как стало видно, с фитилем в воске. Все вместе они давали вполне приличный свет. В одном из углов висело несколько икон, и Седов хотел было перекреститься, но передумал. Пол был из плотно сбитых широких плах. Все вместе можно было описать словами «крепко, бедно, чисто». В комнате было тепло, и Николай Федорович снял свою куртку и шапку. Засунув шапку в карман, он пристроил куртку на свободный кольшюк, и, еще раз вытерев обувь о другой половичок, прошел к боковой лавке и сел недалеко от князя, попутно пристроив термос и бутерброды на край стола.

Князь задумчиво сидел, откинувшись на стену и вытянув раненую ногу, однако на лице его не было заметно выражения неудобства или боли. Рядом с ним сидел Семен, а у левой стены – Гридя. Остальных не было видно. Через проходы, ведущие справа и слева от печки в глубь дома, тоже виднелся свет, слышался голос Федора и доносились весьма приятные запахи чего-то рыбного. В комнату зашел Егор и присел на лавку у входа. На вопросительный взгляд Никодимыча он просто кивнул и негромко сказал что то типа «собак позже». Никодимыч, зажегши последнюю лучину, сунулся было в проход на кухню со словами «сейчас поснедать соберем, там у нас уха была знатная», однако навстречу ему вышел довольный Федор и сообщил, что уху и что у них с собой было сейчас греют, воду на взвар поставили кипятить, и все будет готово буквально в пять минут. Тем временем из другого прохода вышел Ефим с кубком и подал его князю со словами – вино с медом, княже. Все уселись. Пока князь неторопливо пил, а Никодимыч тихо уточнял у Гриди, для чего князю такое питье (получив ответ, что для раны при потере крови полезно, по словам старца), Николай Федорович сказал Ефиму:

–Ефим, ты не мог бы захватить там с кухни... эээ поварни, какое-нибудь блюдо или тарелку? У меня с собой перекус, что я по грибы брал. Дам вам хоть попробывать, что через пятьсот лет едят, тут понемногу, но такой случай...

Все заинтересовались, а Ефим сунулся обратно в проход и тут же выскочил с небольшим глиняным блюдом. Седов дошел до куртки, вытащил из кармана грибной ножик (вроде, протирал), и, развернув полиэтилен, порезал три оставшихся бутерброда на три части каждый. Получилось не то, чтобы на один укус, а все же немного побольше.

– Попробуй, княже – первому он протянул блюдо князю. Тот, не колеблясь, взял крайний к нему бутерброд и закусил его.

– Духовито – сказал князь Иван, прожевав, и стал доедать бутерброд.

Предложив по куску Ефиму и Семену, Седов обошел стол и с полупоклоном сказал, обращаясь к Никодимычу:

– Не побрезгуй, хозяин дома сего, хоть и мало, но от души.

Никодимыч не отказался, но взяв в руку бутерброд, первым делом к нему принялся. Предложив по куску Федору и Гриде, Николай Федорович повернулся к так и сидящему у входа Егору, сказав – прошу. Тот, глянув сперва на деда, бутерброд осторожно взял, тихо пробормотав что-то типа «благодарствую». Седов взял предпоследний кусок, и спросил у медленно жующего Никодимыча:

– А кто там у вас кашеварит? Как раз один остался.

Старик прищурился на секунду, но все же повернулся к печке и прикрикнул:

– Машка! Подь сюды. За печкой что-то стукнуло, и в проход осторожно выглянуло нечто, закутанное почти с ног до головы.

– Да пойдн, не бойся, угостинец тебе есть – добавил дед.

Нечто, выглянув на свет, оказалось невысокой, но крепенькой девчонкой, с небольшими конопушками и выбивающейся из-под платка светлой прядкой волос с уклоном в рыжину.

– Вот – протянул ей блюдо с последним кусочком Седов – попробуй.

Девчонка несмело оглянулась, но, увидев, что все жуют или уже дожевывают, обеими руками с поклоном приняла блюдо, и пискнув «спаси бох», задом ретировалась обратно в проход. Все заулыбались.

– Давайте, что ли, Егорша вам сольет умыться, да и за стол. А баню уже завтра, с утречка затопим – поднялся с лавки Никодимыч.

Егор прихватил со стола светильник, и все, не одеваясь, потянулись обратно, в сени. При свете стало видно, что в левом углу оборудовано место для умывания – висел умывальник, похожий на знакомые Седову, только берестяной, под ним стоял таз не таз, низенькая лохань из дощечек, скрепленных обручами из прутьев (ивовыми, наверное). Тут же на лавочке стояла еще одна лохань, поменьше, с водой, и лежала стопка полотенец. Вышедший последним старик принес в прихватках небольшой горшок, от которого шел пар, и вылил его в эту лохань. Пока Егор размешивал ковшиком на длинной ручке воду, а все принялись стаскивать рубахи, Николай Федорович спросил у Никодимыча, который понес горшок обратно:

– А по нужде... куда тут у вас?

– А вона, в том конце дверка – кивнул тот на правый угол сеней – А поутру приберем. Днем-то у нас на улице нужное строение есть.

Никодимыч ушел в дом, а Седов опробовал чулан. Приличных размеров бадья с плотной крышкой совершенно не выпускала ненужные запахи за пределы чуланчика, а маленькое, в кулак, отверстие на улицу обеспечивало вентиляцию. Все это, и дом вообще, очень напоминало Седову виданные им когда-то фотографии деревенских усадеб русского севера, где все, что нужно человеку (ну, кроме полей и огородов) находилось если не под одной крышей, то под крытыми переходами, обеспечивая возможность не выпускать ценное тепло, особенно зимой, и не накидывать тулуп для каждого похода в туалет.

Тем временем у умывальника создалась веселая толчея. Полураздетые князь и бояре (без сабель и непривычных кафтанов, да со спины) сейчас выглядели теми, кем и были – молодыми парнями, в самом начале расцвета сил. Да-да, выяснилось, что и толщина Федора больше объ-

яснялась количеством одежд, и Ефим был не тощим, а просто жилистым (и с синячищем на весь правый бок, да), у Гриди вообще не наблюдалось жира, только мышцы, ну, а уж Семен и князь по мускулатуре вполне могли претендовать на обложку культуристского журнала времен Седова. Хотя практически у всех, разве что, кроме Ефима, на молодых телах кое-где проглядывали совершенно не детские шрамы. «Княжич и отпрыски боярских семей, с питанием проблем не было, воспитывались вместе, а что тут на первом месте? Сила, ловкость, оружие, всякие воинские умения. Учеба наукам, ну, что тут из этого есть, видимо, пошла уже потом. Слабые здесь пока еще просто не выживают» – подумал Николай Федорович, с улыбкой глядя, как брызгаются и подначивают друг друга какими-то своими шутками один князь и четыре боярина, день которых сегодня начался засветло со скачки в кольчугах, продолжился бешеной рубкой за свои жизни, потом пеший переход, неожиданная встреча с ним и его чудесами, волшебная поездка... а сейчас вот смеются и брызжуются. Но шутки и брызги долго не продлились, всем уже хотелось есть, и народ, одеваясь, потянулся в дом. Первым, конечно, помогли одеться князю, и Семен все так же помогал ему идти, хотя видно было, что князя рана совершенно не беспокоит.

Дождавшись, пока все отойдут от Егора и лоханки, Седов стащил свитер и рубаху и тоже подошел умыться. Вода была вполне теплая, Николай Федорович с удовольствием умылся, взял полотенце (рушник – всплыло в памяти), а точнее, просто кусок полотна (полотно – полотенце, снова отозвалась память), вышитый по краю красной нитью, простым узором, и стал вытираться. Обернувшись к одежде, он увидел, что оставшийся последним Кобяков тоже оценивал внешний вид гостя из будущего, и, видимо, остался доволен. Николай Федорович, отойдя от дел, поддерживал хорошую форму, и хотя и нарастил слой жирка и небольшой животик, проблем с подвижностью не испытывал. Кроме того, острый взгляд, брошенный Гридей на грудь Седова, напомнил ему о крестике. Он был крещен родителями в детстве, будучи пионером и комсомольцем, креста, конечно, не носил, в девяностые тоже не поддавался на моду новых русских на цепи с палец толщиной и кресты весом в полкило (Седов вообще не любил цепочек), однако, получив в подарок на очередной юбилей от тогда еще живых родителей серебряный крестик, все же носил его на простом капроновом шнурке. «А какие крестики были у ребят? – задумался на секунду Николай Федорович – какие-то точно были, но вроде дерево».

Благодарственно кивнув Егору и одевшись, Седов вернулся в горницу. Там уже был подвинут ближе к центру стол, на нем появилась скатерть из беленого полотна, тоже с вышивкой, стоял небольшой противень или большая местная сковорода с чем-то жареным, горшок, судя по запаху, с ухой, капуста, нарезанный крупными ломтями хлеб, копчености, еще какие-то овощи и другие блюда. Посуда была частью керамической, частью деревянной, и только во главе стола, где сидел князь, стоял серебряный прибор, видимо, взятый запасливым Федором. Пока Николай Федорович пристраивался на ближайшее свободное место, брал свободную глиняную тарелку да простую деревянную ложку, из стоящей с краю стола отдельной миски, откуда-то из глубин дома вышел Никодимыч, держа в руках глиняный кувшин, литра так на три, на четыре. Сев по правую руку от князя, он стал возиться с какой-то сложной пробкой. Тем временем из сеней вернулся Егор и, поставив светильник с их края стола, занял место напротив Седова, где уже сидел Гридя. Старик справился с пробкой и стал разливать какой-то светлый напиток в серебряный кубок князя и почти такой же формы, но простые деревянные, стоявшие кучкой около него. Перекрывая запахи прочей еды, по комнате поплыл тонкий аромат меда. По мере наполнения, кубки передавались вдоль стола, и до Николая Федоровича с Егором тоже дошли два. Небольшие, около стакана объемом, кубки были наполнены примерно на половину, и Седов, которому совершенно не хотелось напиться, несколько успокоился. Да и запах от напитка был не крепкий, пахло медом и летом. «Видимо, медовуха, на травах» – подумал Николай Федорович, решив, однако, все равно не налегать.

Тут Никодимыч поднялся со своей посуды и торжественно произнес:

–Хоть и не в добрые для вас времена привела тебя дорога в мой дом, княже, хоть и не смогу я собрать пир честной, как оно положено, но ныне и завсегда рад я, что в доме моем гость дорогой, гость желанный! За тебя, княже, пусть сопутствует тебе удача в нелегком деле твоём! Здрав будь на многия лета!

За время произнесения тоста все поднялись и так же потянулись кубками к Никодимычу и князю. С учетом того, что народа было немного, всем удалось дотянуться и легонько стукнуться о княжеское серебро, хотя видно было, что Егор отчаянно робеет. Пили все до дна, и Седов, немного притормозивший, все же допил напиток тоже. Это действительно оказалась медовуха, но с глубоким, надолго остающимся в рту вкусом. Все принялись за закуски, жареное куриное мясо из противня, капусту и другой овощ, оказавшийся тушеной репой. Кушанья брали руками, мясо резали небольшими ножиками, которые у каждого оказались при себе. Седов снова воспользовался своим грибным ножом. На вкус Николая Федоровича, не хватало соли, но про ее дороговизну и редкость в эти времена он вспомнил заранее и солонку просить не стал. Тем временем кубки вернули обратно, налили и снова отправили вдоль стола. Поднялся уже князь, причем вроде и позабыв про раненую ногу.

–Благодарю за прием добрый хозяина дома сего! Времена, что верно, для нас лихие, да только в лихие времена выявляются честные, надежные и верные люди! И хоть никогда не сомневался я в доме сем и хозяине его, но события последних дней показали, что много кому доверялся я зря. Однако ж здесь я спокоен за себя и соратников своих! Так здоровья тебе, Никодим, на многия лета, здоровья сродственникам твоим и достатка дому сему!

Снова чокнулись, закусили, после чего Никодимыч стал разливать по глубоким мискам уху с крупными кусками рыбы. Какая рыба, Седов не определил, ясно, что озерная, а вот трав было добавлено много, что делало общий вкус ухи непривычным. Чувствовался укроп, а перца, конечно, не ощущалось – он сейчас здесь гораздо дороже и реже соли. Видимо, все проголодались, так как за столом почти не было разговоров. В голове у Николая Федоровича несколько зашумело. Снова поползи к главе стола кубки. «Пожалуй, еще одну, и хватит» – подумал Седов, но когда кубки уже налили и начали раздавать сидящим, внезапно подал голос князь:

–Прошу сказать свое слово старца Николая, как оно принято у потомков наших через пять сот лет.

«Третий тост» – полыхнуло в голове у Седова.

–Что ж, княже – тяжело поднялся он за столом с кубком в руке – и здравицы дорогим гостям, и благодарности хозяевам остались в обычаях застолий и нашего времени. Однако ж не знаю, когда, но за эти пятьсот лет родился еще один обычай. Так совпало, что именно третьей чаркой у воинов наших принято молча, не чокаясь, поминать погибших и умерших, тех, кого уже нет с нами. Вы все здесь воины или потеряли кого на той войне, что веками гуляет – и еще веками гулять будет – по Руси. Давайте же и мы почтим их вечную светлую память.

И он, сначала склонив на мгновенье голову, а затем молча приподняв кубок, в один длинный глоток его опустошил. Сверкнув глазами, князь последовал его примеру. Снова помрачнел оживший было Никодимыч. Предательски отсырели глаза у Федора, шмыгнул чему-то своему Ефим, закаменели Семен и Гридя. Стало белым лицо у стоявшего напротив Егора. Седов поставил кубок на стол и, дождавшись, когда все допьют, начал садиться, за ним сели и остальные. Доедали молча. Только когда Никодимыч вынес с кухни две больших посуды с горячим, исходящим паром взваром, а Машка принесла два блюда с чем-то типа маленьких лепешек или оладышек, народ снова оттаял и начал переговариваться. Грели руки чашками с взваром, оказавшимся травяным чаем, в основном на смородиновом листу, также в напиток определялись знакомые всем травы типа душицы и мед. Ощутимо наевшись и напившись, все тихо перебрались короткими фразами. Полностью сытый и немного нетрезвый Седов бездумно сидел, зажав в руке глиняную чашку со взваром.

–Что же, други – громко сказал князь – еще раз благодарим хозяина этого дома за хлеб-соль.

Все, вразнобой сказав слова благодарности, начали подниматься из-за стола, снова появившаяся с кухни Машка с помощью Егора стала собирать и утаскивать на кухню остатки и посуду. Николай Федорович на автомате дошел до куртки и, достав телефон, посмотрел время. Было всего без пятнадцать девять.

«Как долго тянется этот день – удивился Седов, убирая телефон обратно – Вроде бы столько всего произошло...»

–Старче – раздался голос князя – удобно ли сейчас тебе поведать нам о том, о чем мы вели речь нынче?

–А пожалуй, что и да – ответил Николай Федорович, поворачиваясь к оставшемуся сидеть на лавке князю – часа в полтора-два, думаю, уложусь. Только оставьте мне тогда взвара на пару чашек, горло промочить.

Пока заканчивали убирать со стола, Никодимыч обновил лучины, народ прогулялся до сеней, в общем, через пять минут все снова расселись за пустым столом, на котором остался только кувшин с поостывшим взваром, да несколько чашек, на случай, если кто еще пить захочет.

–Пока буду рассказывать – сказал Седов – прошу по возможности меня не перебивать. После зададите вопросы, постараюсь ответить на все, однако прошу учесть, что учили меня тому, о чем пойдет речь, сорок лет тому назад, да и не так много подробностей у нас про ваши времена известно, однако связную картину, думаю, обрисовать удастся.

–Про то, как Русь в древности жила, княжества образовались, князья между собой воевали, рассказывать не буду – вы это лучше меня знаете, у нас это хуже, но известно. Сегодня я услышал от Ефима о набеге Мехмет-Гирея, что и позволило мне определиться с годами. Этот набег, как я уже говорил, известен у нас как зимний набег, или последний набег на ближайшие 50 лет, который дойдет до Москвы. К сожалению, мелкие набеги все это время будут продолжаться, но до Рязани вроде бы доходить не будут, ограничившись югом Руси. Остановит их то, что князья Московские, оформив после Рязани свое владение и остальными двумя-тремя (или сколько осталось) оставшимися независимыми княжествами, перейдут на титулование «Государь всея Руси» и, соответственно, займутся обороной всех ее границ и военными операциями по завоеванию новых земель, уже не отвлекаясь на межкняжеские интриги и прочие вещи, которые сильно мешали управлению государством. Будут усилены укрепления и засеки на юге России (где это – вам лучше знать, у нас остались только примерные данные), а также усилены караулы на них, которые позволят при любой вылазке крымчаков сразу реагировать на них, не пуская их вглубь. Это, в свою очередь, позволит на самых плодородных южных землях поселить больше людей и завести нормальные хозяйства, получить больше урожаи, вырастить детей, наконец. Единообразие во всех государственных... службах... ну, в войсках, у чиновников, в городских управах или как оно там, тоже упростит управление государством. Развитие при этом производства... изготовления пушек, и другого огнестрельного оружия, по которому Русь сейчас впереди всей Европы, позволит отбиваться с меньшими потерями, а также проще, легче и быстрее захватывать укрепленные города и крепости – за счет осадных пушек, разбивающих стены и ворота.

Здесь надо сказать, что я не помню, сколько еще проживет князь Василий, лет 10 точно. Потом будет период, пока его дети подрастают, когда особо завоевывать мы ничего не будем, но к тому времени работа всех государственных служб будет уже более-менее налажена, и период этот будет спокойный. Ну, относительно, как на Руси бывает. А вот дальше подрастет его наследник, Иван Васильевич, прозванный Грозным. И примерно лет с двадцати начнет править... активно. Там у него что-то по судебной реформе, ну, переделу, будет, Земские соборы начнут собирать (это представители от всех слоев населения для решения особо важ-

ных задач), но основное – это его завоевания. Примерно через 50 лет, не с первой попытки, но будут захвачены Казань и Астрахань. В этом же походе, если не путаю, у ногайцев что-то там. С тех пор на все 500 лет вперед эти земли останутся в составе России. И народы, живущие на них, русскими станут, да получше иных славян, но об этом позже. Больше того, приняв подданство казанских татар, башкир, мещерей и кого-то там еще, кто живет до Урала, ну, Рифейские горы, Каменный пояс или как его у вас называют, нашим будет открыт путь до самого океана. Помню, что в результате завоеваний Ивана Грозного, площадь земель Российских увеличится в два раза примерно. Сибирь, западная и восточная, а там леса непроходимые – тайга называется, как здесь на севере, в горах уральских руд, металлов, золота – полно. Гора Магнитная, в которой такие руды железные богатые, что рядом с этой горой потом целый город построят, чтоб ее добывать. С самой Сибири первое время будут брать пушнину, потом выяснят, что там и других земных богатств полно, ну, золото, в первую очередь. Правда, с этого же времени, с его завоеваний, на все пятьсот лет возникнет постоянная проблема для Руси: нехватка людей. Земель новых много, а люди... Не будет их хватать. В ту же Сибирь на разведку уходили ватаги стрельцов и казаков по два-три десятка людей всего, а объясачивали племена местные, ставили остроги, разведывали дороги и богатства на пути своем, пока не добрались до самого края той земли – до Тихого океана. И на нем уже забрали под нашу руку полуостров Камчатку и остров Сахалин.

Но это я вперед забежал, увлекся, то попозже, Иван же, завоевав Казань с Астраханью, обратился к Европе. С ливонцами и Литвой военные действия все это время потихоньку будут вестись, а вот со шведами серьезно зарубились – те стали мешать торговле нашей через Белое море, с англами, в основном. Повоевали без особых захватов, но успешно. А дальше взялись за ливонцев. Отвоевали приличный кусок Балтийского побережья, несколько городов и крепостей. Нарва на памяти из них, Орешек, еще какие-то. Разбили основное их войско. В общем, довели до того, что распался орден, раздал земли свои полякам, Литве, Дании и Швеции, основали там какие-то герцогства, а у русских осталась та часть, что они военной силой заняли. Орден разбили, но не добавили, а основные его земли (ну, и войска) отошли к Литве. Вот тогда крымчаки, думая, что на два фронта, ну, на две стороны, Русь войну не потянет, задумали набег. Да только не удалось им это, достало у нас войск, их не пропустили, мало того, сами стали в Крым походами ходить. Полон большой освобождали, города разоряли, но сами те земли не занимали – столько сил не было, да и турецкий султан близко. Разобравшись с крымчаками, стали воевать уже с Литвой. И успешно воевали, еще несколько крупных городов заняли, тут я правда не помню, каких именно. Но тем временем внутри Российского государства беспокойно стало. Князь Иван, или царь Иван уже, себе все больше сил забирал, а тех бояр, что, пока он младенцем был, страной управляли – отодвигать стал, да к мнению их не прислушивался. Ну, а как у нас на Руси делается?... Теперь уже боярская кровь лилась, пытки да убийства тайные, отравления да заговоры... а в ответ – восстания тайные да явные, бунты... царь тогда пересилил всех, утвердился самодержавно. Да тут, это как раз лет через 50 от сегодняшнего времени, собрали силы крымчаки...

Все еще с небольшим хмельком в голове, Седов выкладывал все это практически на одном дыхании, при этом то Ефим, то князь пытались задавать вопросы, но он только отмахивался и продолжал, несколько сумбурно и экспрессивно, выкладывать все, что всплывало из памяти. Залпом глотнув взвара, он продолжил:

–Так вот, собрали силы, и давай пробовать на прочность наши южные границы. Один раз, другой, а потом смогли как-то раз обмануть пограничников, да дошли большой силой до Москвы. Тут и Рязани тоже досталось. Разграбили подчистую, полон большой увели, да стали торговаться – отдать им Казань да Астрахань. Не сторговались, да на следующий год собрал тогдашний хан Давлет-Гирей большое войско, причем и султан турецкий дал ему несколько тысяч отборных воинов, да пошел снова на Москву дело заканчивать. Да только встретили

его сначала малым, но крепким войском у Молодей, это под Серпуховом где-то. Несколько дней отбивали атаки, а потом наше основное войско поспело, разгромили полностью татар и турок. По подсчетам наших ученых, из 120 тысяч не более 20 тысяч татар уцелело. Ну, и наших много погибло, конечно. С той битвы крымчаки уже силы никогда не имели. Наши южные засеки на 300-400 верст на юг к Крыму отодвинули, самые богатые земли можно было спокойно распахивать да обрабатывать.

– Не понравилось врагам нашим такое усиление Руси – передохнув, продолжил Николай Федорович – тайно ли, явно сговаривались они, а только дальше воевали мы уже и с Литвой, и с поляками, которые, кстати, уже лет через пятьдесят от этих времен объединились с Литвой в новое государство – Речь Посполитую, и со Швецией. Ливонцев до самой Двины завоевали, но потом вынуждены были отступить, и где-то в других местах городами разменяться. Швеции все завоеванное побережье Балтики пришлось отдать. Не стало у Русского государства запаса прочности, столько лет войн... Для ведения их, кстати, царь неоднократно под тем или иным предлогом прибирал и церковное имущество, так что, когда прожил 50 с небольшим лет, Иван Грозный умер, версия, что бояре и церковники, сговорившись, его отравили – была очень даже жизненной... И в наше время тому кое-какие подтверждения нашлись, вроде как по мышьяку и ртути...

– Ну, а после его смерти вскоре началась Смута с большой буквы. Наследник его Федор оказался слаб, другие умерли во младенчестве или небольших летах, и где-то лет через 80 от этого времени на престол возвели Бориса Годунова.. Тоже не уровня Ивана фигура оказалась, и лет через пять то ли сам умер. То ли отравили. А тем временем поляки да литовцы строили планы, как у ослабевшей Руси еще земель оттяпать, и под это дело появились Лжедмитрии – так прозвали тех самозванцев, которые выдавали себя за якобы выживших малолетних сыновей Грозного. Было их трое, двое успели поцарствовать. На их сторону вставали бояре, которые хотели восстановления своих прав, отобранных Иваном. Всех этих самозванцев жестоко убили. Но лет 20 по Руси катались туда-сюда поляки, литовцы, шведы, крымчаки и всякая шваль. Москву за это время сжигали раза три-четыре, а воевали за нее раз с десяток, наверное. Крестьянские восстания были. Да и как им не быть, если в это время появилась на Руси страшная беда на века вперед – крепостничество. Земель появилось новых много, надо их обрабатывать, вот и прикрепили крестьянина к земле, закрепили. Сначала оставили один день в году, когда он мог поменять землю, уйти к другому барину (так стали называть помещиков), а потом и его отменили. Крестьян стало можно продавать, как рабов. Помещики из временно пользующихся землей превратились в собственников. Бояре превратились в бар. Крепостные были доведены до положения чуть похуже, чем скот. Отменяют это рабство только в 1861 году, а сказываться оно будет все 500 лет. Но это особая история.

– Да, при этом еще сказалось, что с 1600 года было то ли два, то ли три года неурожая. Уже в наше время стало ясно, что причиной было сильнейшее извержение огромного вулкана, ну, огненной горы, и то количество пепла и дыма, которые при нем поднялись в небо, заслонило солнце и привело к падению температуры... эээ... к холодам по всей земле. Летом снег выпадал, почти ничего не росло, под это дело очень много народу просто от голода и болезней погибло. Много городов и земель потеряли. Весь север, Псков, Новгород, заняли шведы. Но русские и корелы просто ушли оттуда южнее, и шведы вернули пустые города обратно. Кое-как отбились от врагов. Вся страна лежала в руинах. Обезлюдели многие уезды. В общем, за Смуту, по разным оценкам, население Руси уменьшилось то ли на четверть, то ли вообще на треть. Ну, а как успокоилось немного, Земский собор выбрал нового царя, молоденького Мишу Романова. Да только права его сильно урезаны были, никто не хотел второго Ивана Грозного. Вся нарождающаяся промышленность, производства (особенно артиллерия, пушки), сельское хозяйство – было разрушено или пришло в упадок. И весь семнадцатый век то передовое место, которое было у Руси среди соседних государств, казалось, навсегда безвозвратно утеряно. Хотя

страна жила, конечно. Постепенно восстанавливали хозяйства. Продвигались на восток, строили там остроги, пробивали дороги. Много народу уходило в казаки – на Дон, на Украину. Казачество это постоянно воевало с Польшей, и надо сказать, что в основном успешно, хотя зверства творились с обеих сторон страшные, так как тут еще разница в вере сказывалась. В итоге приняли, хоть и не с первого раза, казаков в состав России, с землями, конечно. Стали турок воевать, пытаться Азов захватывать, который при впадении Дона в море стоит. Захватывали даже – но удержать не смогли, разрушали все, да отходили.

–Вторая большая замятня к концу 17 века началась. Царь Алексей умер, наследник тоже недолго прожил, назначили двух мальцов соправителями – Ивана и Петра. При старшей сестре Софье. Ну, а ей, распробовавши, временную власть захотелось превратить в постоянную. И снова – заговоры, стрелецкие бунты, рубленные головы, льющаяся кровь, пытки, дыба, раскаленное железо... С трудом, но царь Петр взял власть в свои руки (Иван болезненный был). Учителя его нашли время объяснить ему, от чего в стране упадок, да и сам был умен, и взялся догонять отсталость России от Европы. Как умел. А как умели?... Через войну и кровь. Азов взяли, не с первой попытки, правда. Со шведами 20 лет воевали, сначала проигрывали все, потом, когда армию на новый лад переводить стали, победили и вернулись на Балтику. К морям рвался молодой царь, и вырвался – крепко встала Россия и на Балтике, и на Черном море, и на Белом. Сам царь год ездил по Европе, перенимал опыт строительства кораблей, заведения разных мануфактур – производств, обучения и прочего. Бояр отодвинул, но мог приблизить и возвысить любого человека, если тот был умен, или полезен чем. Боярам бороды брил, в европейское платье переодевал, чтобы отсталость (и дикость, чего уж там) изжить. Получилось... надвое. Сделал, запустил, что старое с места сдвинул, что новое завел, границы расширил, на восток крепко продвинулись, но крови... Реки. И больше всего пострадали солдаты (гибли зазря, особенно в начале его правления) и простой народ. В его же время появилась рекрутская повинность – теперь мало того, что крепостные были рабами, они обязаны были в новые полки поставлять людей в солдаты. В 1725 году Петр простыл и быстро умер. И снова началось... Наследники, недолго прожившие, бунты гвардии, дворцовые перевороты... На престол женщин возводили – Екатерина, Анна, Елизавета... Тем временем снова воевали: с Турцией, прошли и разорили весь Крым, на Дунае турок побили. Со Швецией, опять, побили и шведов. С Пруссией, которая после ослабления Польши стала главной у германских народов. Разбили, Берлин – столицу их – взяли. Добавили земель на Балтике. И снова русские солдаты гибнут...

–В общем, только в шестидесятых годах восемнадцатого века, когда был в результате заговора убит император Петр уже третий, и на престол взошла Екатерина вторая (из немецких принцесс по крови), страна получила, как потом выяснилось, передышку. Хотя... крестьяне, закабаление которых все это время продолжалось, бунтовали всегда, но именно при Екатерине второй была долгая война под предводительством беглого казака Емельяна Пугачева, выдававшего себя за Петра третьего. Воевали бунтовщики на Урале и в южных степях в основном. Даже Казань взяли, но были разбиты, а Пугачев предан своими и казнен. С турками крепко воевали, в основном побеждали. И да, при Екатерине крымское ханство к России присоединили! Татар там мало осталось к тому времени, кто к туркам ушел, кого побили, однако ж остались и живут там до наших дней, хотя и предали в Великую войну, но это потом...

–При Екатерине же и Польшу, которая еще после 20-летней шведской войны в упадок пришла, сначала под свое управление взяли, а после нескольких бунтов и вовсе с немцами поделили, да в состав России включили. Потом от того многие события произошли, но так уж сделали. В общем, более тридцати лет правила Екатерина. Опять раздвинули границы – в основном, на юг и в Европу. На Кавказе начали христианские народы под свою руку брать. На востоке до океана дошли и земли те исследовали и тоже к России присоединяли. Однако ж, умерла императрица, и – опять...

–Павел, сын ее, многое взялся переделывать. Тем временем в Европе франки устроили бунт, всю царскую семью убили, перебили многих дворян, и против них собралась военная сила. Где мы, где франки, однако ж снова русские солдаты за чужие интересы кровь проливали. Побеждали, у наших к тому времени слава сложилась непобедимой армии. Турок мы очень сильно потеснили, за Кавказом на берег Черного моря вышли, на Украине многие земли, где люди русского да славянского корня жили, от турок освободили. Так вот Павел войну с франками эту прекратил и вместо того стал думать о юге – Средняя Азия и Индия его больше привлекали. За это и был убит заговорщиками на деньги англов, которые давно Индией владели и золото с нее выкачивали. Переворот удался, к власти пришел Александр, сторонник англов, а тем временем вся Европа была захвачена французами, у них императором стал Наполеон, поднявшийся из простых артиллеристов-пушкарей, захвативший власть после революции. Англам на своих островах не удержаться против франков было, вот они и провернули переворот. Наполеон на море не мог успешно воевать, так он собрал войска да и двинул на Россию, около 600 тысяч. И германцы, и поляки, и всякие австрийцы с итальянцами в его войске были. Назвали ту войну потом Отечественной. Снова пришла она на русскую землю, да как пришла – отступали до Москвы, дали сражение большое, да все равно отдали Москву, да только не удержались в ней захватчики – подвоза припасов нет, весь народ восстал против них, саму Москву сожгли, да и побежали. Так что наши войска теперь и в Париж, столицу Франции, попали. Все наши земли вернули, конечно, Польшу в том числе. Победили, да сколько народу опять погибло, да сколько земель на западе было разорено...

–Пока война эта шла, да до того при бунте дворянство французское к нам бежало, многие из наших людей успели и земли чужие повидать, и идей разных да теорий, как жить надо, послушаться. И в 1825 году, как умер император Александр, подняли они бунт. Говорили о свободах, о законах справедливых, да не для своих крестьян крепостных (бунтовщики сплошь дворяне были), а для себя. Времена, однако, другие стали. Пятерых зачинщиков повесили, остальных в ссылку в Сибирь отправили. А сколько солдат под смерть подвели, которые в бунте том по приказу начальства участвовали, кому важно... Тем временем продолжали мы воевать с турками да горцами кавказскими. Давно уже с наших исконных земель та война ушла, да только люди русские гибнуть в ней не перестали. Бунтовала Польша, вводили войска в бунтующую Венгрию, держали на штыках, ну, на копьях, власть. Усиливались. Да только отошла Европа от Наполеоновских войн, да такое наше усиление не понравилось ей. Тем более, Англию мы, считай, спасли, да все заморские земли ее при ней остались, а с них богатства такими реками текли, что стала она самый сильный флот морской иметь да по всему миру свою власть продвигать. И в разгар войны с турками очередной, в пятидесятых годах века девятнадцатого, объявили нам войну Франция и Англия. Сунулись на севере, да не вышло у них ничего, а вот в Крыму, куда у нас и дорог толком не было, вышло. Севастополь, который был базой флота, оставили мы, и по мирному договору много уступок пришлось сделать битым многожды туркам.

–Тем временем в 1861 году отменили крепостное право. Да только земли крестьянам не дали, а с учетом того, что крупнейшими ее владельцами была императорская семья да церковь, да помещики – вышло так себе. Все это время три четверти населения страны, считай, было в таком загоне, что все инженерные новинки, все производства, что пароходы, что паровозы с рельсами, что оружие, что станки – все делалось или иностранцами, или в самых малых объемах. Менялись еще императоры, Россия все воевала, теперь в Средней Азии, расширяясь уже не за счет русских или славянских народов, а за счет казахов, таджиков, узбеков, туркмен. Полностью был покорен Кавказ, да там только грузины да армяне были хотя бы христианами, остальные народности – мусульмане в основном. Опять воевали с турками, уже без оглядки на Европу, побеждали, но снова большой кровью и для других народов, в основном болгар.

–В самой же России бунтом пахло все сильнее. Постоянно мутили воду поляки, но хватало и других. Тогда основным способом вроде как борьбы за народ стал террор, а проще, убийства – градоначальников, министров, самого царя. В начале восьмидесятых взорвали императора Александра. Новый император гайки завернул, то есть, послабления для народа кончились, наоборот, более суровые законы приняли. И вот, в середине девяностых к власти пришел последний российский император Николай второй. Надо сказать, что русской крови в нем уже было не то одна тридцать вторая, не то одна шестьдесят четвертая, так как женились императоры в основном на европейских принцессах немецких корней. Теперь они в родне были со всеми правящими фамилиями Европы, так, с германским правителем – двоюродными братьями были. С английской королевы наследником – то же самое. Все те проблемы... эээ... сложности, что копились в жизни Руси веками, при нем дошли до края. Объявила войну России Япония – на английские деньги построенным флотом да немецкими инструкторами обученной армией. Флоты свои мы потеряли, так как воевали частями, а не одним кулаком, да и командование было так себе. На суше мы кусок потеряли, так как через всю страну по одной дороге много войск не перебросишь. Война еще шла, да бунт в России начался. Пошел народ к царю петицию, ну, грамоту с просьбами своими нести, а мирную демонстрацию расстреляли. Лет пять потом вся Россия бурлила, снова кровь лилась.

–А тем временем мир наш весь давно был поделен. И основным хищникам, крупнейшим государствам, стало не хватать добычи. Там разные причины были, то отдельный разговор, и повод нашли, в общем, в 1914 году началась первая мировая война. Велась она всего пять лет, но почти на всей Земле, и народов в ней погибло больше, чем во всех войнах ранее. Миллионами (тысячами тысяч то есть)! Оружие все это время сильно развивалось, хотя принципиально... эээ... основное было то же – огнестрел, порох да пушки. А вот сила его возросла. Наши воевали против Германии и Австро-Венгрии. Да, против турок еще, как же без них. Сначала более-менее шло, потом стали уступать. Страшная усталость, как говорили, накопилась в народе. На четвертый год войны никто уже ничего не хотел. Сидели в основном по окопам – это чтобы от пушек защититься – и зимой, и летом. И вот в 17 году, после всех этих провалов, дворяне заставили царя отречься от престола. Выбрали Думу, примерно как у вас в Новгороде. Да только и в войне они, новые эти правители, не смыслили, и мирную жизнь наладить не смогли – голод в стране начался, продукты у крестьян стали изымать без оплаты. Да еще масла в огонь подливали бунтовщики – и наши, доморощенные, и те, которые из других стран к нам присланы были. Особенно Германия старалась – у нее плохое дело с войной было, в стране ресурсов уже не было, голод тоже. В общем, прошла у нас революция. Главными стали Советы, это вроде как та же Дума, только выборные от всех – всех людей, Россию населяющих. Дали всем, совершенно всем, равные права. И женщинам тоже. И основной закон взяли, что все, что в стране есть, богатства ее, заводы, фабрики, принадлежит всему народу, а не богачам-капиталистам, ну, крупным собственникам. В первое как бы народное правительство попали и старые борцы с царизмом, и всякая шушера, из-за границ присланная. Войну прекратили (с большими для нас потерями), от всех долгов отказались, царя с семьей расстреляли. И грянула тут самая страшная война – гражданская. Кто хотел царя вернуть, кто – Думу дворянскую, кто просто грабил да убивал. А глядя на это, бывшие союзники наши свои войска уже против нас послали, на севере, на юге, на дальнем востоке. Лет пять тянулась гражданская, да кончилась. Уж столько накопилось боли да страданий у народа, что власть свою он все-таки защитил, интервентов... эээ... иностранцев вышвырнули. Однако земель много потеряли, та же Польша, Прибалтика, Финляндия и другие в европейской части. Да не для одних нас война с потерями закончилась. Кроме российской, распались Германская, Австрийская и Османская империи. Прошло время монархий, стали, в основном, республики. Это когда власть выбирают на определенный срок, а после – меняют, а в выборах участвовать много кто может.

–Двадцать лет дали перерыва. Нет, мелкие войны были, и на востоке и на западе, но... Началась Вторая мировая война. Снова германцы начали, как обиженные по результату первой. Для нас ее назвали Великой Отечественной. Разница в том, что если до этого худо-бедно устанавливали правила, как можно воевать, принимали грамоты, как с пленными обращаться, то тут Россию, или Союз Советских Социалистически Республик, хотели просто уничтожить. И всех жителей ее уничтожить или сделать рабами. Петербург – это на Балтике, что Петр первый еще начал строить, голодом заморить, Москву разрушить и сделать озеро. Эти все документы... эээ... грамоты после войны нашлись, доказано все было. В 1941 году, 22 июня, Германия, до того завоевав все Европу, снова, как Наполеон, всей европейской силой пошла на нас войной. Кто сам войсками пошел, кто для их армии оружие делал, кто для этого оружия металл поставлял... Опять до Москвы дошел враг. Сжигал села, часто вместе с людьми, угонял в рабство, морил голодом и холодом. Немного успели вывезти с захваченных земель производств да успеть забрать своих людей. Из таких беженцев и мои родители, успевшие из-под Смоленска перебраться за Москву. Все встали против врага. Мужчины воевать на фронт, бабы да ребятишки на заводах оружие делать да в колхозах поля обрабатывать. Все, да не все, вот вспомнилось – те же крымчаки на его сторону перешли. И еще нашлись предатели, как из тех, кто после первой мировой за границу сбежал, так и из тех, кто у нас остался, да не нравилась ему новая жизнь. Но Москву в этот раз врагам не отдали, и от нее погнало обратно. Побили немцев, и в 45 году войну закончили снова в Берлине. Да только потери наши, и солдат, и мирных жителей, составили 27 миллионов людей примерно. Точно подсчитать не смогли. Вся европейская часть страны была в руинах. Павших воинов в лесах да по болотам еще 75 лет всех не можем найти и захоронить. Победили Германию, потом добились Японии. Победили, провели суд над немецкими военными преступниками, войну начавшими, кого повесили, кого осудили, да стали отстраивать страну, да вот только если вся Европа и частично Англия от войны сильно пострадали, то на других землях за океаном, где англосаксы жили, от этой войны только сильнее и богаче стали. Оружие всем продавали, людей не теряли. Укрепились. Мы тем временем часть Европы, которую освободили, на свой путь попытались перевести, без богатеев, с общественной собственностью. Получилось, но прошло лет сорок, выросли те, кто войны не помнил, и под дудку англосаксов захотели они вернуться к прежнему. Кормили народ сказочками, что все, что было при советском строе – бесплатная медицина, ну, целительство, образование, ну, учеба, для всех, пенсии, это когда старикам государство деньги на жизнь выделяет, свободные выборы в руководство, в общем, все это останется, а только можно будет стать богаче и покупать все то, что в других странах для богатых доступно. Хоть дворец строй, хоть яхту... эээ.. корабль или целый завод покупай. Да и в руководстве к тому времени не самые лучшие люди, а то и просто предатели, оказались.

–В общем, в восьмидесятых годах вернулась Европа к старому строю, а в 91 распался и Союз. На 15 республик. Украина и Белоруссия отдельно стали. Не обошлось и здесь без крови, но надо сказать, что малой. Сейчас у нас есть частная собственность, есть богачи, что владеют имуществом, как миллион простых людей. Однако жизнь потихоньку стала налаживаться. Крупных войн давно не было, хотя небольшие конфликты были, с Грузией да Украиной. Сейчас Российская Федерация занимает одну седьмую часть всей суши, живет в ней 140 с лишним миллионов человек, в Москве – миллионов 15, да приезжих полстолько, в Рязани вроде тысяч пятьсот.

Седов, увлекшись, уже не обращал внимания на слушателей, продолжал говорить скорее самому себе, рассказывать все то, что не являлось тайной для любого учащегося школы, но здесь, в 16 веке, спрессованное в часовой рассказ, составило для него самого ужасающую кровавую картину, он говорил, а перед глазами его вставали полки в различных старинных мундирах, атаки конницы, поля, усланные трупами, сожженные города и деревни, зарастающие пашни, которые некому было обрабатывать... Оказывается, где-то в глубине души он все

это время подспудно чувствовал какую-то глобальную, вселенскую несправедливость истории, если можно так сказать, которую, конечно, никогда нельзя было исправить. Никогда? Но ведь и люди не попадали в прошлое на пятьсот лет?... Да нет, бред...

С этой мыслью Седов, скомкав конец 20 века и последние годы, все же договорил. Давно кончился взвар, хрипело в горле, и Николай Федорович смог осмотреться. В свете лучин (сколько раз меняли? он не заметил) его новые знакомцы предстали перед ним в непривычном виде. Стоя на коленях, молился на божницу Ефим, «богородице дево... спаси и сохрани Русь и людей русских» – удалось расслышать Седову. Плакал Федор, молча размазывая слезы по бороде. Матерился Гридя, обхватив плечи руками и раскачиваясь на лавке. Ссутулился и даже состарился на вид Семен, как будто сам прошел все эти бесчисленные войны. Вжался в стену с белейшим лицом Егор, как бы желая отдалиться от Седова и его страшной правды на пятьсот лет вперед. Видимо, все слышавшая Машка плакала на кухне, по крайней мере, девичий всхлип в глубине дома мог принадлежать только ей. А прямо напротив Николая Федоровича стоял, выпрямившись во весь свой рост, прямо сейчас готовый к бою старый воин Никодим, ничем не похожий на старика Никодимыча. Стоял, напрягши все мышцы, и не замечая, что вцепился левой рукой в плечо сидящего на лавке князя. Князь же был бледен, напряжен до крайности, как струна, но... при этом спокоен.

–Простите, люди, что вывалил все это на вас одним разом – хрипло, с неловкостью сказал Николай Федорович – для нас-то это уже история... прошлое далекое... каждый ребенок знает. А для вас будущее...

–Что же, старче – с трудом расцепив зубы, через некоторое время ответил ему князь – ты сдержал свое слово, рассказал нам все, как мы сами тебя и просили... Некого винить... Думал я, что беды мои (и наши) велики, однако ж теперь вижу, что глуп был и себялюбив, узнав, что готовится народу русскому... и в самое ближайшее время к тому ж... Давайте укладываться, хоть и вряд ли засну я сегодня...

Во время их диалога народ более-менее пришел в себя. Закончил молитву Ефим и встал с колен, скользнул в другую комнату Егор, успокоились Семен и Гридя. Вытер лицо Федор. Снова ссутулился Никодимыч, с опаской и даже удивлением – как это он? – убрав руку с плеча князя.

–Пойдемте, что ли, покажу, кому где постелено – сказал он.

В глубине дома оказалось несколько небольших комнат. Первым разместили князя, затем показали комнатку Седову. Там тоже стояла лучина на подставке, и была очень широкая лавка с накинутой на нее (видимо, из овчины) постелью. Отдельно было такое же одеяло.

–Завтра уж, после бани, перины и прочее достанем – будто бы извиняясь, сказал старик.

Николай Федорович молча кивнул, стянул с себя свитер, кроссовки со штанами, и, завалившись в термобелье под покрывало, дунул на лучину, уже не глядя, как будут устраиваться остальные. Не прошло и пары минут, как усталость от этого дня накрыла его, и он буквально вырубился.

Сперва князю Ивану, действительно, не спалось. Он лежал с открытыми глазами, стараясь не беспокоить ногу (действие той зеленой... таблетки из будущего кончилось, и рана начала ныть), и смотрел в темноту. Мысли его при этом были хаотичными. Тьмы и тьмы... миллионы погибших! А крымчакам на пятьдесят лет отлуп дадут, да. И Крым будет наш! И Польша! Но сколько народу... И главное, все через вот эти вот интриги, заговоры, как будто мы не можем по другому! Хотя... сам-то куда... всего четверо верных осталось. А Москва, значит, всех возьмет... да на самом-то деле это и так уже ясно, просто он не хотел до конца верить... и земли, огромные земли на востоке... и что-то еще за океаном. Надо будет спросить у старца, что за земли, как там все. Хотя, какая ему-то разница, что там за земли. Своих-то земель нет, и не будет, это теперь ясно.

Вообще, от тех объемов движений людей и событий, о которых поведал старец, захватывало дух. Причем, было совершенно ясно, что он не врет и не вещает – князю доводилось читать и слышать о неких старинных пророчествах, они всегда были очень размыты, неясны и полны непонятных образных сравнений. В рассказе старца была четкость общего повествования, стройность и обоснованность событий, мелочи, которые нельзя было придумать (и состыковать друг с другом). То есть, человек рассказывал о том, что он точно знал, что УЖЕ БЫЛО. И все это вместе рисовало настолько явную картину будущего, что дух, действительно, захватывало. На этих мечтаниях князь и не заметил, как уснул.

5

В первые секунды после пробуждения Седов еще думал, что он дома. Он не любил мягкие кровати, и дома у него был довольно жесткий матрас, примерно как сейчас. Однако ощущения от надетого термобелья и запахи овчины тут же напомнили ему, где он находится. Открыв глаза и разглядев в слабо освещенной комнатке бревенчатые стены, он окончательно проснулся и стал неторопливо одеваться. Температура в доме заметно упала, однако из дверного проема ощутимо поступало тепло (и доносились некие приятные запахи). Проходя мимо кухни, где Машка возилась у плиты, а Егор – с дровами для печки, Седов сказал им «доброе утро», и, не желая отвлекать, прошел дальше. В ответ ему раздалось нестройное бурчание, видимо, о том же. Посетив чуланчик, Николай Федорович умылся из рукомойника. Воду на утро греть, видимо, было не принято, и она ощутимо бодрила. И в проходной горнице, и в сенях было довольно светло, так как узкие окна с убранными сегодня ставнями все-таки давали приличное количество света через мутную пленку (видимо, тот самый бычий пузырь?), которой были затянуты. Услышав с улицы голоса, Седов вышел на крыльцо. Видно было, что солнце встало недавно. Небо было почти ясным, было безветренно, еще держался морозец, в общем, похоже было, что погода будет как вчера. Князь сидел на табуретке тут же, на крыльце, вытянув раненую ногу, а бояре разминались во дворе. Нет, они не рубились на саблях или на палицах, а делали что-то типа зарядки или спортивной разминки времен Седова. Тут же ходил занимающийся чем-то по хозяйству Никодимыч. Николай Федорович поздоровался со всеми, принял ответное приветствие и стал оглядывать не рассмотренный вчера в потемках двор. По правой стороне его машина почти упиралась в сарай с широкими воротами. За ним шло почти такое же строение, от которого пахло животными, видимо, лошадь и корова стояли там. Дальше уходили за стену дома такие же сараи. Все они были на полтора этажа, с высокой, односкатной наружу крышей. Скорее всего, на этих вторых этажах лежало сено. По левой стороне строений было поменьше. Первым от ворот стоял сруб непонятного предназначения, за ним явная баня, а дальше приличные дровяники. С учетом того, что трубы на крыше бани не было, топилась она, скорее всего, по черному, хотя дверь в нее сейчас была закрыта. Приглядевшись, Седов увидел несколько волоковых окошечек на верхних венцах банного сруба, из которых тянуло еле заметным дымом. Дымом, кстати, во дворе ощутимо пахло.

–Княже – сказал Седов – я понимаю, что в этих делах вы гораздо опытнее меня, но... Нас не найдут по дыму? Или по его запаху? Нам бы в дозор кого выставить или на вышку какую влезть, осмотреться...

Князь, с интересом посмотрев на Николая Федоровича, сказал одобрительно:

–Не рассказал бы ты, старче, чем там, у себя, занимался, я бы как Гридя – подумал, что служба твоя была из военных или тайных. Печку хозяева затопили еще затемно, а как она разогрелась, так дыма и не видно. Баня тож. По запаху могли бы, да ветра сегодня нет. Гридя с утра, как рассвело, пробежался по вчерашней дороге, никого, новых следов тоже нет. Ну, а насчет вышки...

–А на вышку тогда же, как рассвело, слазил Егорша – сказал подошедший Никодимыч – больших дымов нигде нет. Самое ближнее от нас Коробыно, в той стороне тоже ничего необычного.

–Так что уж не знаю сколько, но сколько-то времени у нас точно есть. В бане попариться дадут – с усмешкой сказал князь.

–А вот, насчет бани. Как нога, княже? Тебе нужно сделать перевязку, и в любом случае сильно париться тебе пока нежелательно бы. Мыться можно, но потом надо будет мазь обновить.

–Нога почти не болит, помогло твое лекарство, старче. Париться сильно я и не собирался, конечно, так уж, к слову.

–До бани еще часа три – сказал всем, в том числе подошедшим боярам, Никодимыч – так что самое время перекусить, что бог послал. А для твоей повозки, старец Николай, я место освободил в сарае, надо бы ее туда закатить. С глаз прибрать, и вообще...

–Чего уж там, Никодимыч, в одних летах мы, зови меня Николаем. А машину давай загоним, это быстро.

Спустившись с крыльца, Седов открыл машину и сел за руль. Тем временем Никодимыч распахнул ворота сарая. Он оказался приличным и по ширине, и в глубину. Там, в глубине, стояла телега, по стенкам была развешана различная утварь, видимо, относящаяся к упряжи. По крайней мере хомут и разные вожжи Седов узнал. Тем временем бояре, больше всего сейчас напоминающие пацанов, как-то не заметно переместились поближе к машине. Николай Федорович усмехнулся сам себе, завел машину, и, опустив кнопкой стекло на правой дверке, сказал:

–Садитесь! Как вчера, не прокачу, но в сарай отвезу. И ты, Никодимыч, давай, на переднее сиденье.

Все кинулись занимать места. С осторожностью, но без боязни на переднее сиденье сел Никодимыч. Поездка на десять метров вперед много времени ожидаемо не заняла, и Седов выключил движок. Бояре с шутками полезли с заднего сиденья наружу. Седов кратко, как вчера, рассказал Никодимычу про машину. Тот заметно удивился характеристикам, особенно скорости, но парни тут же подтвердили (в самых восторженных выражениях, конечно), как они вчера мало что не летели по дороге. Все потянулись в дом, а Николай Федорович достал из багажника аптечку, чтобы потом не ходить, но глянул в багажник другим взглядом и на секунду задумался.

У любого автомобилиста машина со временем начинает нести, скажем так, некоторое количество не вполне полезного груза. Мы уже не говорим про людей, которые на своих машинах занимаются бизнесом. Легковое авто любого, к примеру, наладчика компьютеров, обычно содержит приборов и запчастей на приличную сумму, ну, а уж про содержание машин у людей, занимающихся ремонтом домов, и говорить не приходится. Седов был человеком аккуратным, что распространялось и на автомобиль. Но у любого человека со временем начинают копиться не совсем нужные подарки, случайно приобретенные вещи и прочий... ну, не хлам и не мусор, но, скажем так, предметы, имеющие низкую полезность. Низкую – в 21 веке, безусловно. А в 16?...

В багажнике, кроме уже упомянутой аптечки, щетки-сметки, обязательных огнетушителя и аварийного треугольника, лежали фискарсовский топорик в пластиковом чехле и ноунейм лопатка, средняя по размерам между обычной штыковой и малой саперной. Если топорик был таким немного неожиданным подарком от коллег, то лопатку Седов покупал сам, соблазнившись именно ее малым размером. Родная пластиковая ручка долго не прожила, и он подобрал укороченную деревянную, хорошенько ее ошкурив и покрасив. Кроме этого, в боковых ящиках нашлись компрессор, свернутый буксировочный ремень, три-четыре куска проволоки (Николай Федорович пользовался ими, когда надо было привязать что-то к рейлингам на крыше), еще одна пластиковая полторашка и какие-то тряпки.

В бардачке была обнаружена копия ОСАГО, документы с с последнего ТО, пара старых газет, блокнот формата А5 с ручкой и атлас автомобильных дорог европейской части России, купленный Седовым еще в конце 90-х и переехавший с тех пор уже в третью машину. Такие

атласы были широко распространены до эры навигаторов, да и при них не потеряли актуальность, и только с развитием смартфонов (и соответствующих программ в них) канули в небытие. По этому атласу Седов с женой, еще молодые, раза три-четыре ездили летом в дальнее Подмосковье на отдых и за грибами, а потом он просто лежал в бардачке. Однако сейчас Николай Федорович прихватил с собой блокнот и атлас, так как тогда в таких атласах, кроме непосредственно карт, на двух-трех первых листах печатали кое-что еще, что ему могло сейчас пригодиться. Рабочие перчатки с пупырышками, тряпка для протирки стекла в коробочке, салфетки – таково было содержание карманов на водительской двери.

Самые же «сокровища» содержались в центральном подлокотнике. Седов вывалил все на переднее сиденье и стал сортировать. Китайская зажигалка, мультитул из нержавейки с небольшими плоскогубцами и десятком инструментов, в карман. Два пластиковых брелка размером чуть больше пятирублевой монеты – типа компас и термометр, случайные сувениры – туда же. Раскладная туристическая ложковилка, тоже из нержавейки – с собой. Светодиодный фонарик – ну, пусть пока полежит. Еще там были старые солнечные очки, зарядка для телефона, несколько болтиков и шурупов различных размеров, какие-то пластиковые детальки и резиновые прокладки в полиэтиленовом пакетике, несколько кусочков тонкой медной проволоки, в общем, больше ничего полезного не нашлось. «Будь я классическим попаданцем куда-нибудь на остров, в джунгли или тайгу, стартовый набор бы вышел неплохой, жить в машине, и дом построить есть чем, и на первое время инструмент» – подумал Седов, закрывая машину. «А сейчас не более чем приятные мелочи, ничего жизненно важного. Хотя вот атлас оказался в тему, да».

Николай Федорович прошел в дом. Там горница оказалась уже прилично освещена солнцем – специально на южную сторону делали, сообразил он – и в ней уже собралась практически вся компания для завтрака. К завтраку нынче Мария подала два вида... ну, больше всего это напоминало лепешки. Одни из них были запечены с остатками вчерашнего мяса, другие были просто из теста, видимо, их предлагалось есть со сметаной и медом, которые также стояли на столе. Запивать подавали тот же взвар. Сгрузив принесенные вещи на лавку в углу, Седов присоединился к садящимся за стол. Короткую молитву прочитал Никодимыч, все перекрестились, Седов опять проигнорировал, спокойно встретив слегка удивленный взгляд хозяина дома и вопросительный – Ефима, негромко сказав ему – позже, это тоже долгий разговор. Позавтракали все практически молча и довольно быстро. После сбора посуды никто не стал расходиться, наоборот, все стали как-то вопросительно поглядывать на Николая Федоровича и принесенные им книги.

–Ну, если князя нога не сильно беспокоит (нет, совсем не беспокоит – качнул головой князь Иван) и до бани время есть (часа два – подтвердил Никодимыч), то могу рассказать еще кое-что.

Все выразили самое горячее одобрение. По просьбе Седова пересели – сам он сел на самом освещенном месте стола по центру, а все разместились рядом с ним и напротив. Стол был не широкий, и для людей с нормальным зрением все должно было быть хорошо видно.

–Вот – сказал Николай Федорович, разворачивая атлас в центре стола. Перед зрителями развернулся знакомый каждому нашему современнику рисунок двух кругов, расчерченных сеткой параллелей и меридианов, раскрашенный в разные цвета – Это полная карта мира. Всего мира.

По комнате пронесся восхищенный вздох.

–Мир наш имеет форму неправильного шара, и больше всего похож на немного сплюснутую с верха и низа тыкву. Поэтому карта в виде двух кругов показывает два полушария: наше, восточное, и западное.

Седов взял ручку и стал показывать на карте, используя ее в качестве указки.

–Синим отмечены моря и океаны, зеленое, желтое и коричневое – суша. Самый большой континент, ну, кусок суши, это Евразия, где мы и находимся. Вот Европа, вот Азия. Мы сейчас примерно здесь, потом покажу подробнее. Еще в нашем полушарии находятся Африка, вот она, и Австралия, она у вас пока не открыта. А вот лет тридцать еще не прошло, как испанцы с португальцами открыли Америку. Их две, северная и южная, вот они. Там сейчас живут племена индейцев. У них там даже свои государства, богатая культура, жрецы, но... они еще не знают железа. Испанцы с португальцами (сначала, потом подтянется вся Европа) их безжалостно завоюют и ограбят – у них много золота. Кроме того, к ним завезут болезни, от которых там тоже вымрет немало народа. А в Северной Америке всех местных индейцев почти поголовно истребят, останется малое число. Но я отвлекся. На севере и на юге нашего земного шара постоянно морозы, снег и лед. На севере при этом земли нет, только северный ледовитый океан, с островами. На юге подо льдом – последний материк, Антарктида.

Чем ближе к середине шара, тем теплее, и на самой середине – вот тут, экватор называется – круглый год очень жарко. Там или джунгли – очень густой, влажный, тропический лес – или пустыни – например, вот в Африке целый пояс, только пески. Чуть севернее и южнее погодный пояс называется тропики, примерно вот здесь и здесь. Самая лучшая погода, круглый год тепло, снега и вообще морозов нет, растет по два, а то и три урожая за год. Еще севернее и южнее – уже прохладнее. Дальше начинается примерно наш климат, ну, погода, с морозами, снегом и зимами. Еще одно отличие – на берегу моря или океана теплее, море набирает тепло летом и отдает зимой. Называется морской климат, вот тут, в Европе, например. В середине континентов климат континентальный, так и называется, летом может быть жара, а зимой холод. Ну, и еще севернее (и южнее тоже), там лесотундра и тундра. Снег по 9 месяцев в году, выживают только хвойные деревья, ну, и трава с кустами. В тундре нет даже деревьев, она как степь, трава и низкий кустарник. Коричневым отмечены горы, вот, недалеко от нас, Урал на востоке, Кавказ на юге. Есть горы и в Европе, и в Африке, и в Америках. Но самые высокие – вот, огромный массив, Тибет. Выше восьми километров... эээ... четырех тысяч саженей. Да, самое глубокое место в морях – примерно здесь, Марианская впадина, 11 тысяч метров, ну, пять с половиной тысяч саженей. Наши моря – вот, Черное, вот пролив в Средиземное. Вот Каспий, вот Арал. Здесь – Балтика, вот Финский залив, где Петербург будет. Ну и вот на севере Белое море, где Архангельск. А вообще, вот самый крупный океан, Тихий, вот Атлантический, вот Индийский. Сама Индия вот, кстати.

Седов открыл следующий разворот атласа, где была уже карта России на севере Евразийского материка.

–Вот, это Россия моего времени, видите?... В период расцвета Российская империя была еще больше. Вот тут, в Азии – весь Казахстан, и вот эти государства были ее частью. На Кавказе тоже. Украина, Белоруссия, Прибалтика, Финляндия. Москва здесь, мы рядом, вот Уральские горы, вот Казань, так что можете представить себе, во сколько раз выросла ее территория с вашего... ну, с этого времени, то есть.

От Николая Федоровича ждали чуда, причем желательнее не такого страшного, как вчера. И он его дал. На словах «весь мир» все ахнули и уже не отрывали взглядов от кончика ручки, показывающего очередное место на карте, на которой открывались тайны мира, не известные пока никому. А при показе карты РФ и расстояния от Москвы до Казани в сравнении с остальной частью страны слушатели, являющиеся опытными воинами и управленцами, прекрасно представляющие себе, что такое проехать хотя бы пятьдесят верст, вообще впали в какой-то ступор, видимо, пока безуспешно пытаюсь оценить масштабы и прикинуть размеры показанного им.

Видя, что народ загрулся, Седов прервался. Первым отмер Гридя:

–А как сделаны эти карты, старче? Точны ли они? То есть... ну...

–Понимаю – усмехнулся Николай Федорович – весь мир, шуточное ли дело. Любая карта – это как вид сверху, от летящей птицы. Если первые карты часто были неточными, так как люди отмечали расстояние по пройденному пути, а там какие дороги, то ли горы, то ли болота, то ли вообще море – а там куда ветер дует и куда течение ведет, то потом начали находиться ученые, желающие понять основы, как можно этих неточностей избежать. После того, как выяснили, что Земля круглая, и придумали компас – стало проще. Можно стало около любого, например, поворота реки брать засечку на север, и, вычисляя пройденное расстояние, довольно точно определяться на местности. Но это все-таки было сложно, особенно в горах и других мало проходимых местах. А вот когда человек смог подняться в воздух...

–Как?! – не выдержал уже Ефим.

–Двумя способами, Ефим – усмехнулся Седов – воздушные шары и самолеты. Воздушный шар – шар из ткани, особой формы, больше всего похожий на перевернутый горшок. Ткань использовали в основном шелковую, да еще промазывали смолами, чтобы воздух не пропускала. Под горловиной этого горшка сначала разводили костер, а потом стали вешать небольшую горелку, на спирту или очищенной нефти. Теплый воздух всегда поднимается вверх, поэтому такой шар, наполненный горячим воздухом, тоже поднимался вверх и мог поднять приличный дополнительный вес. Вывели формулу, ну, для расчета этого веса, но это уже потом. Сначала опытным путем определили. Человека, особенно небольшого, может поднять шар трех-четырех метров в диаметре... эээ... ну, пусть двух саженей. Так вот, если привязать этот шар канатом к земле, то он будет висеть, пока воздух не остынет, а если отпустить – полетит по ветру. С поднятого шара можно сделать точный рисунок местности, но использовали их, в основном, в военных целях – для отслеживания перемещений противника и корректировки огня пушек, а в научных – для исследований как раз таких труднодоступных лесов, джунглей, пустынь. Но этот путь был недолгим, так как научились строить самолеты. Вот с них-то и сделаны эти карты, например, вот как эта местность выглядела на карте в моем времени.

Седов быстро нашел нужный лист в атласе и показал всем.

–Вот озеро... вот тут сохранился старый сосновый лес... вот это дороги – на Рязань, на Москву, на Муром... вот наш поселок был... будет... тьфу, ну вы поняли. Примерно с километр отсюда, дальше по берегу озера и правее.

–Надо бы сходить, поглядеть – задумчиво сказал Семен, но его перебил Ефим:

–А что за самолеты-то, старче?! Сами летают? Как птицы?...

–Самолеты... – Седов подтянул к себе свой блокнот, вырвал из него лист, несколько раз сложил его знакомым любому мальчишке двадцатого века способом и показал Ефиму.

–Вот тебе, например, самолет. А вот так он летает – и, взмахнув рукой, отправил самолетик наискосок через всю горницу, по самому дальнему маршруту.

Самолет не подвел и полого спланировал, воткнувшись в стену в углу. Упал на пол, но тут же был подхвачен подскочившим Ефимом и принесен обратно за стол.

–Это, конечно, игрушка, Ефим – сказал Николай Федорович, улыбаясь – но это в то же время и модель, то есть маленький образец, примерно похожим на который являются настоящие самолеты, большие машины, которые могут достигать несколько десятков метров... эээ... ну, дели на два, саженей, в длину. Первые из них были маленькими, сажени две-три, и построены как птицы – крылья из реек, обтянутых тканью, хвост, корпус... Даже перья пытались приделывать. Потом путем множества проб и ошибок их конструкцию, ну, как что с чем должно соединяться, и внешний вид довели до нужного. Одновременно с этим разрабатывали двигатели, примерно как на моей машине. Первые модели были простыми, потом – все сложнее и сложнее. В моем времени самолетостроение – одна из самых сложных отраслей, как по расчетам, так по производству.

–Значит, только с двигателем летать можно... – сказал заметно погрустневший Ефим.

–В воздушных шарах нет двигателя, только теплый воздух. А еще можно летать на планерах, это небольшие легкие самолеты без двигателя. Вот такие, например – и Седов быстро набросал в блокноте дельтаплан – Три рейки, между ними ткань... тот же шелк... снизу небольшой каркас для подвески, тут вот ручка... человек на ремнях через грудь и пояс вот так подвешивается... Чтобы пролететь несколько десятков метров, просто с любого пологого пригорка разбежаться достаточно. Опытные планеристы ловят восходящие воздушные потоки (теплый воздух поднимается, помнишь?) и могут летать часами. Оно опасно, потому как если неправильно что сделаешь, упадешь и разобьешься, но двигателя тоже не надо.

Ефим ушел в себя, видимо, прикидывая, где он будет брать рейки и шелк. Примерно такой же вид был и у Егора, который в это время периодически выходил из горницы и через короткое время возвращался, пахнувший дымом. В этот раз он зашел как раз при полете самолета.

Остальные, тоже впечатлившись перспективами полетов в воздухе, все-таки не отвлеклись от поднятой ранее темы.

–Так как, старче, с этих самолетов карты делают? – вернулся к разговору Семен.

–Сначала рисовали, так же, как с воздушных шаров. Но поскольку было это (начало постройки нормальных самолетов) чуть больше ста лет назад, а фотография тогда уже была изобретена, через некоторое время стали на специальные фотоаппараты сверху фотографировать землю. Ну, а потом уже на основании таких картинок делали карты.

–Долгая и тонкая работа, должно быть – заметил Федор, взглянув в раскрытый атлас – вона как все мелочи прочерчены, да надписи, да разными цветами.

–Нет, в моем времени, да и тогда, сто лет тому, это уже было очень быстро. Сейчас в Европе изобретают книгопечатание. Лет через 70 такой Иван Федоров напечатает первую книгу на русском языке. А выдумка там несложная. Из металла отливаются кубики, на одной стороне которых – перевернутая буква. Дальше человек на подставке, размером с будущий лист, складывает из этих кубиков слова, текст, какой надо. А дальше валиком намазывают эти буквы чернилами, прикладывают лист бумаги, другим валиком приглаживают – и готова страница. Повтори сто раз – вот тебе сто одинаковых страниц текста. И не надо переписывать, выводить, ошибок нет. Набери из букв другую страницу – вот тебе еще сто листов. Да хоть тысячу! Быстро догадаются придумать такие штуки, чтобы и текст сам смазывался, и лист сам переворачивался. А если на отдельном листе не буквы набрать, а картинку вырезать, да хоть по твердому дереву, то будет отпечаток рисунка. Хочешь – в одну краску, хочешь – в несколько по очереди, но тут уже надо аккуратно совмещать будет. Так вот, это начало самое, потом и станки эти печатные еще усложнятся, и печатать будут тиражи... это сколько, значит, одинаковых книг за раз... многотысячные. Отдельно придумают, как хоть текст, хоть рисунок, скопировать, то есть повторить с одного образца сколько нужно раз. Вот тут уже и с фотографий карты и пойдут в дело.

Ефим потрясенно хлопал глазами, остальные тоже призадумались. Тем временем Седов открыл страницу атласа с издательской информацией, нашел нужную строчку, и, прижав к мелкому шрифту палец, показал всем:

–Вот – сто тысяч экземпляров.

Все посмотрели на цифру и снова потрясенно промолчали.

–Так что же – снова первым прервал общее молчание Ефим – у вас там все грамоту знают?!

–Все – ответил Николай Федорович. У нас обязательное всеобщее девятилетнее образование, но можно (совершенно бесплатно) учиться не 9, а 11 лет в школе, и еще потом в институте или университете, тоже бесплатно.

И через минуту, на фоне всеобщего ошеломленного молчания, добавил:

–Что-то я на вас много вывалил. А не пора ли нам в баню? А о людях, и вообще о жизни в наше время я позже расскажу, да и покажу.

Никодимыч перевел взгляд на Егора. Тот сказал:

–Должно быть, готово. Последний раз уж на всякий случай подкинул.

–Ну, иди гарь сгони, да оконца затыкай – ответил ему старик – А вы давайте готовьтесь, да прикинем. Думаю, надо нам поделиться на два захода. Князю париться нельзя, да и нам не след всем сразу, вдруг что... Так что пойдем по четверо. Сначала я, Ефим, Федор и...

–Давайте я – сказал Седов.

–Да! А пока Егорша снова на сосну слазит.

–Ну, я тогда еще раз по дороге прогуляюсь – добавил Гридя.

–Семен же при князе побудет – закончил расчет Никодимыч.

Семен кивнул, они с князем остались сидеть за столом. Остальные засуетились, кто за сменной одеждой, кто куда. Николаю Федоровичу спешить тоже было некуда, он пересел ближе к выходу и стал ждать. Тут к нему подошел закончивший распорядиться Никодимыч и тихонько спросил:

–Николай, а что ты говорил про фото... графию? Это как?

–А, я же не у вас вчера ребятам показывал. Ефим! Где Ефим?

Из глубины дома вышел Ефим с небольшим узелком.

–Фото храма у тебя? Покажи Никодимычу.

Ефим, несколько застеснявшись, ушел обратно и тут же вернулся, неся в руке календарик с храмом Василия Блаженного. Они подошли ближе к окошку и Седов пояснил:

–Вот, Никодим, это храм, который будет лет через пятьдесят построен в Москве, на Красной площади, в честь взятия Казани. Это – та самая фотография, не рисунок красками, а как бы отпечаток, как он на самом деле выглядит. Фотографировать можно все: хоть строения, хоть лес или там поле, хоть людей и животных. Фото делает отпечаток, как человек, который его фотографировал, в этот момент видел. То есть вода в реке бежать не будет, и листья на ветру шевелиться – тоже. Для съемки в движении у нас есть кино и видео. Это такие живые картинки, как в окно смотришь.

–А у тебя есть... кино? Нам ты не показывал! – естественно, не смог удержаться Ефим.

–Есть. Вот после бани и покажу – ответил Седов.

Тут как раз с небольшим тючком вышел Федор, который, кроме своих, отвечал еще за вещи князя, вернулся из бани и был отправлен на вышку Егор, собрался Гридя, в общем, все были готовы. Календарик Никодимыч после тщательного рассмотрения со вздохом положил к блокноту и атласу, лежащим перед остающимися в горнице Семеном и князем.

Пройдя через двор (стояла все такая же солнечная, безветренная погода с небольшим морозцем), первая четверка зашла в баню. Седов слышал про бани по черному, но никогда не видел, и осматривался с любопытством. Большой предбанник был сделан из такого же сруба, как и сама баня. Двери – и входная, и в баню – были привычно низенькими и обшитыми по косякам тряпками, типа мешковины, видимо, чтобы тепло не уходило. Вместо петель были прибиты полосы грубой, толстой кожи. Высота потолка в самом предбаннике была вполне нормальной. «Ну да, под себя же делали» – вспомнив рост Никодимыча, подумал Седов. В предбаннике у входа стояли две лавки, а по стенам были набиты кольшки для одежды. Напротив входа, под таким же небольшим окошком, стоял стол, тоже с лавками, человек на десять. Света было маловато, и Никодимыч зажег светильник, наподобие вчерашнего, тоже восковой. Все стали раздеваться. Николай Федорович ожидаемо удивил народ трусами.

–Это самое нижнее белье, у нас все носят. Удобно, а вот видели бы вы, что там за сбруя у наших баб – и вот так, со смешками, шутками и прибаутками, все зашли уже в самую баню.

Ну, что сказать?... Седов ожидал, что будет теснее и грязнее, но нет, баня была и большая, и как бы не чище многих известных ему бань в современности. Посреди нее был очаг с

большой кучей камней, от которых ощутимо тянуло жаром. С одной стороны вплотную к нему стоял огромный горшок (корчага – всплыло в памяти) с горячей водой. Холодная вода стояла у входа в двух приличного размера кадюшках. Еще было несколько деревянных шаек, в двух из которых замачивались веники, а всю противоположную стену занимал двухступенчатый полоч. Горела лучина. В ее слабом свете видно было, что копоть есть только на потолке и верхнем венце банного сруба. В четырех углах под потолком были те самые волоковые окошки, сейчас заткнутые обмотанными дерюгой чурбачками.

–Посидим – сказал Никодимыч, и все расселись на полке и начали потеть. Место было, можно было еще посадить двух-трех человек.

Николай Федорович любил баню (да что там, баню все любят, кто понимает). У него в деревне была аккуратная баня, небольшая, конечно. Там, разумеется, был и свет, и подача воды из дома, и экономичная печка из нержавеющей стали, но вот это вот ощущение, когда ты сидишь в прогретой бане, а с тебя потихоньку стекает пот, грязь и все тревоги – оно совершенно не изменилось за пятьсот лет. Об этом он и сказал:

– Пятьсот лет прошло, а бани почти такие же остались. Печки только по белому у всех.

Минут пять ушло на сравнение бань, особенности топки и пара и другие важнейшие банные вопросы. Тем временем все хорошенько пропотели, и Никодимыч, приказав пригнуться, взялся за ковшик. Совсем немного плеснул, но камни были хороши, и волна пара прошла ощущение.

–Ну, давайте – сказал Никодимыч, берясь за веники – кто первый?..

Первым пошел Федор, как выяснилось, большой любитель бани. Был от души нахлестан и отправлен в предбанник. Прилег на полоч Ефим, но у него был синим правый бок, и его Никодимыч почти не парил.

–Давай, что ли, теперь я тебя попарю – предложил Седов, когда и Ефима отправили отдыхать.

Никодим удивился, но прилег на полоч. Николай Федорович еще самую чуточку поддал на камни, и взялся за два малых березовых веничка, которые он присмотрел сразу. Были, кстати, еще и дубовые, как раз дубовым орудовал Никодимыч. Парить сразу двумя вениками, да еще на хорошем пару – особое искусство, но Седов им владел, и поэтому они с хозяином дома вывалились в предбанник оба красные и распаренные.

–Ох, хорошо! Удивил ты меня, Николай, признаться, не ожидал я... – упав на лавку и вытираясь, сказал Никодим.

–Вот одно из отличий русских людей, это баня. Было и будет – тоже вытираясь, сказал Седов. Ни у кого больше нет, у финнов и прочих скандинавов разве что сауна, и все. Ну, турецкий хамам и считать нельзя. Пар влажный и сидишь на нагретом камне.

Пока сидели, он еще кое-что рассказал о банях мира, а минут через десять пошли на второй заход. В этот раз пар поддавали раза три, тут уж Никодим отпарил Седова. Федор и сам парился, и других парил. Ефим решил только отогреться, бок чувствовался. Тут пришлось уже и по ковшичку холодной воды на себя опрокинуть. После второго захода Никодимыч достал кувшин типа вчерашнего и чашки и разлил по чуть-чуть попробовать. Это тоже оказалась медовуха, но свежая, еще чуть ли не пображивающая. Первая чашка ушла как вода в песок. Разлили по второй.

–А что, Никодим – спросил Седов – пчелок сам держишь, или покупаешь мед-то?..

–Бортничаем помаленьку с Егоршей – ответил тот – лес-то у нас в ту сторону в болота переходит, да ты сам знаешь. А по краю, вдоль полей, в сухом лесу есть пчелки. Немного, но нам на троих хватает.

–А что ульи не заведешь? Или у вас их еще не знают?

–Про ульи не слышал – пожал плечами Никодимыч.

– Дело простое. Ящик, с крышкой, полметра на полметра, ну, вот такой где-то. В передней стенке две дырки, с досочками перед ними, это летки. А внутрь ставишь рамки, в два пальца шириной и между ними тоже пару пальцев, и ставишь плоску с сиропом на меду. Как вылетевший рой где заметишь, лови его хоть в корзину, да выпускай в такой улей. Пчелки на сироп вылетят, да там и поселятся, на этих рамках соты свои строить будут да пыльцу носить. А ты через время крышку снимай да посматривай. Как рамка заполнится, достал ее, соты срезал да обратно поставил. Ну, на развод оставляй, понятно. А на зиму, как пчелы уснут, эти ульи в теплый погреб ставят, только сухой, чтоб не загнило. Ну, открывать-доставать в рукавицах да с дымарями надо, это понятно. Дымари-то у вас есть?

– Есть дымари, как не быть. А что же, пчелы не побоятся в таком улье жить?

– А чего им бояться? Такое же дерево, летки удобные да сироп. У нас эти ульи даже красят, но только красками на водных основах. А удобно, считай, не то что лазить никуда не надо – они у тебя на огороде стоят, весной вынес, к зиме унес, мед под боком. Ну, шума они не любят, да еще медведи могут повадиться.

– Да какой тут шум, сам же видел. А медведиков у нас тоже нету, через лес сырой да болота не ходят они, а по сю сторону полоса сухого леса небольшая. Волки, лисы, это есть, бобров в болотах полно, а медведей нет.

– Ну, вот я тебе после бани нарисую, посмотришь. Простая вещь, на самом деле.

Заинтересовался ульями и Федор. Про то, как от бортей придумали переносные колоды, а потом ульи, Седов рассказывал, пока зашли на третий заход и отпотевали. Потом снова парились, первым, хоть и с сожалением, ушел Ефим, а оставшаяся тройка дорвалась – подавали раза четыре и вылезли в предбанник совсем ошалелыми. Разлили еще медовухи. Тут в баню сунулся вернувшийся с вышки Егор – все тихо, спокойно, дымов не видать, отрядов конных тоже. Гридя пока не возвращался. Сполоснувшись последний раз, решили заканчивать.

– А что за одежда у тебя, Николай? – спросил Никодим, глядя на одевающегося Седова.

– Вот это нательное, типа как у вас, только теплее и пот отводит. А остальное – обычная верхняя, для повседневной носки. Ткани в основном искусственные.

– Я к тому, что росту мы с тобой одного, а ты же к нам без всего попал. Может, из моего тебе на смену что подобрать? Уж не побрезгуй.

– А ты знаешь... – Седов задумался – сейчас, пожалуй, нет, я же во всем чистом был... а вообще... когда князь решит, что дальше... тогда, пожалуй, не откажусь! Спасибо!

Тем временем, проводив народ в баню, в горнице сидели и рассматривали атлас князь с Семеном.

– Что скажешь, друже? – негромко спросил князь.

– Да что говорить, княже... еще вчера, в машине этой, стало ясно, что не врет он. Пятьдесят верст в час едем, а не трясет даже! И стекла такие, и эти все... приборы...

– А кресла?...

– Да! Я слышал, у султана есть такое ложе, с мягкой спинкой. Диван называется. Вот и мы как на этом диване...

– Разложил он нас на этом диване. Как с Москвой-то все обсказал...

– Но... ведь так оно и выходит?...

– То-то и вышло... Ты знаешь, мне... обидно... Не за себя даже, а вот, княжество... Было мое, и ведь не спорит никто... А тут как-то – раз, и все...

– Мы с тобой, княже!

– На то и надеюсь – прогнал хмарь с лица князь и улыбнулся – а давай еще раз глянем – и оба склонились над атласом, раскрыв карту России.

– Нет, все равно не верится. Как представлю, это сколько ж досюда, вот, например?...

– Он говорил, до края два года, если ледоход и ледостав на месте сидеть, а так – верхом, реками и на санях...

–Тут до Казани-то... вот она... ого-го...

–А меня, знаешь, резануло: вернейшими говорит народами станут, татары-то...

–Ага... а я ведь слыхал про башкирцев, такие же, мелкие легкие конники, как татары, только вроде совсем дикие...

–Вот... Уральские горы...

–Большие, до самого северного моря...

–Гора из чистого железа... не приврал ли...

–Да даже приврал если... о! Ма-гни-то-горск!

–И правда, город... не приврал...

–Дальше вот... Сибирь...

–Три раза по столько, сколько до Урала этого от нас? Или четыре?

–Слушай, а я вот не понял... Он говорил, небольшими ватагами казаков и стрельцов тут проходили и под себя забирали... Что ж тут, не жил никто? Это на таком-то куске земли?

–Говорил, что то век тянулось, или два. Давай, уточним. Тут вот и лес, судя по цвету, и степи, всяко жить должны люди.

–Да, надо бы уточнить...

–А вот кстати, я еще углядел, где про сто тысяч... вот – год издания 1998... да тут много еще чего понаписано...

–Понапечатано...

–Да... все грамотные... девять лет и университеты... в европах есть сейчас то ли три, то ли четыре университета...

–Когда ж они пахать-то успевают?... И кто у них воюет, если по десять лет учиться?...

–Спросим... да вроде он и сам о том хотел говорить...

Тянулся неспешный разговор, листались страницы, шло время. Пришел мытый Ефим, немного скривившись на пострадавший бок, решил прилечь отдохнуть. Прибежал Егор, доложил, что с вышки опасного ничего не видно, а еще он заглянул в баню, они там скоро выйдут. Спустя небольшое время появился и Гридя, сказав, что прошел вдоль дороги подальше, тихо, никого нет и не было. А тут уже и снова захлопали двери, пришли из бани Седов и Никодимыч, Федор еще немного задержался после четвертого захода. Князь с Семеном и Гридей пошли в баню сразу, Егор – немного погодя. Тут вернулся и Федор. Красные и разомлевшие помывшиеся, получив от уходящих «С легким паром!», решили отдохнуть и распозлись по комнатам прилечь. А из кухонного закутка неслышно выскользнула невысокая фигурка и склонилась над оставленными на столе атласом, блокнотом и календариком.

Седов прилег в выделенной ему комнатке и даже вздремнул. Но спал недолго и проснулся почти сразу, судя по тому, что в окошко еще всюю проникал солнечный свет. В доме было тихо, только похрапывал кто-то за перегородкой, да раздавался еще один звук. Прислушавшись, Николай Федорович определил его как бульканье чего-то кипящего, причем сильно. Встав и сунув ноги в кроссовки, Седов вышел из своей комнатки, прошел мимо кухни (там почему-то никого не было, а бульканье действительно было громким), из которой доносился запах куриного бульона, и вышел в горницу. У края стола сидела Машка. Она переводила взгляд с раскрытого атласа на календарик и обратно, и видно было, что она сейчас не здесь, а в своих мечтах, и мечты эти самого волшебного свойства.

–Маша – негромко, чтоб не спугнуть ребенка, сказал Седов – что-то там у тебя похлебка громковато булькает.

Судя по поднятым на него затуманившимся глазам, там могло булькать все, что угодно. Но спустя несколько секунд взгляд стал осмысленным, раздалось негромкое «ой», и Машка скользнула на кухню. Просмеявшись в бороду, Николай Федорович через минуту тоже заглянул на кухню и сказал:

–Маша, ты тут как освободишься, выходи, я тебе расскажу про те картинки.

Та неуверенно, но кивнула. На негромкий разговор из глубины дома вышел отдохнувший Ефим и взглянул на Седова с явно читаемым вопросом в глазах.

–Если хочешь, и ты присаживайся. Мне не трудно повторить.

Минуты через три звуки кухонной деятельности прекратились, запах куриного бульона дополнился ароматом приправ, и Машка несмело выглянула в проход, после чего все же подошла и присела к краю стола. Пересев под ближайшее окошко, Седов еще раз рассказал про храм Василия Блаженного, про взятие Казани, показал Казань и Москву на карте, прошелся по будущим границам России. Нашел лист с Рязанью, показал и ее, и озеро, на берегу которого они находились. Маша больше молчала, но была в полном восторге, Ефим задавал вопросы. Больше всего вопросов, разных – наивных и не очень, было по карте мира.

Седов отвечал, стараясь не ржать и объяснять наиболее простыми словами.

–А скажи, старче, где тебе самому довелось побывать?

–Ну, по России много где. Одно время по моей... работе мне приходилось много ездить по разным городам. Вот тут был, самое дальнее, на берегу океана. В Сибири в двух местах был, здесь и здесь. А так, в основном вот в этой части – тут, тут... вот к югу, тут и тут еще. А если про другие страны говорить, то бывал я в Испании, вот тут, и в Египте, здесь примерно.

–И как там?! Ну, в других странах?!!

–Тут видишь, какое дело, Ефим... Был я там на отдыхе – теплое море, пляжи, фрукты заморские. У нас поговорка есть, про туризм и эмиграцию, смысл такой, что, чтобы узнать страну, надо в ней жить долго, а не на короткое время приехать. А так, там все не как у нас. Морозов не бывает, и дома строят хоть и из камня в основном, но с тонкими стенами. Наоборот, постоянно жара, так окна и двери делают большими, чтоб продувало, и днем, когда самый солнцепек, сидят в тени. Море рядом, так все больше людей с морем связано, или рыбу ловят, или в портах, где корабли пристают, работают. Сами загорелые, да и от природы смуглые. У испанцев и итальянцев волосы в основном вьющиеся, да еще такие черные, что аж сизым отдают, непривычно. А так люди веселые, шумные, выпить любят. У них там очень хорошо растет виноград, так у них вино основной напиток и есть. Даже воду с ним разводят и пьют. А вот в Египте, там еще по другому. Там у них вообще пустыня в основном – мертвые пески, народ живет вдоль Нила, это у них великая река, вот она, вдоль побережья морей да еще кое-где, где мелкие реки и оазисы есть. Сами они еще смуглее, чем испанцы. Строят больше из глины да тростника. А ездят все к ним не только на море, но еще и на пирамиды посмотреть. Со старых времен, считают по разному, кто две, кто все четыре тысячи лет назад, стоят у них в пустыне пирамиды – огромные, несколько сот сажений, из здоровых каменных блоков, как небольшие горы. Пирамиды эти – бывшие погребальницы их правителей, фараонов. Строились они чуть не десятки лет, вырубали эти блоки далеко в скалах, да на себе таскали и складывали. Загадок и тайн много с ними связывают, вот и ездят со всего света на них посмотреть.

Тем временем в бане тоже велись разговоры. Теперь уже на правах хозяина был Егор, он и поддавал, и парил. Правда, князь совершенно не парился, только сидел, отпотевал, а когда народ собирался поддавать пару – выходил в предбанник. Повязка намокла, но нога не беспокоила. Сперва особо не разговаривали, потом, когда воздали должное медовухе, Гридя вышел в предбанник вместе с князем, оставив Семена и Егора хлестать друг друга вениками.

–Княже, тут такое дело... Я тут, и вчера, и сегодня, пока по лесу хожу, еще раз передумал все... ну, про побег наш...

Князь поморщился, но раз Гридя начал – значит, имеет что сказать.

–Что-то еще вспомнил? Или что?...

–Да нет... Тут такое дело... Не сходится что-то!

–Что?!

–Как старец в машине своей все выложил, у меня будто пелена с глаз спала. Ведь почти все же было на виду! Но потом успокоился я, и решил еще раз все обдумать, как нас учили.

А сегодня утром, да пока по лесу ходил, еще раз прикинул. И выходит у меня, что старец все верно обсказал, но только до засады.

–А потом что же?

–А потом или что-то пошло не так, или другая задумка была. Вот смотри, что стоило еще хотя бы двух лучников со стороны полей запрягать?... Так у нас те, кто слева ехал, успели доскакать да срубить двоих, если тебя считать, а так – и их коней бы сразу выбили, и все. А еще мы могли вообще сразу свернуть налево, в поля, и уйти. А моих двое, которые сзади ехали, в первый заход вообще под обстрел не попали – тут им хоть уходи назад, хоть в рубку вступай, как и вышло.

–И что ты думаешь?

–Сначала я подумал, что старец или не тот, кто говорит, или с ними как-то связан.

–Ну, неееет...

–Эту мысль я быстро откинул тоже. Хоть и вроде как ждал он нас через три версты с того места, но это ж надо было знать, что мы именно вперед пойдем, да именно там свернем в лес.

Да и был он, когда с нами встретился, такой же пришибленный да огорошенный, ты-то не помнишь, а я разглядел. Ну, и чудеса эти его...

Тут в предбанник ввалились распаренные Семен и Егор, и разговор пришлось прервать. Но князь тут же сказал – пойдем, Гридя, погреемся – и они перешли в самую парную.

–После чего – продолжил Гридя – я с другой стороны зашел – если смерть наша, ну, или пропажа в неизвестности, в общем, исчезновение, было Москве со всех сторон выгодно и к нему все шло, то кому может быть выгодно, что мы уцелеем в засаде?...

–И кому же? – спросил князь.

–Вот тут-то у меня затык и вышел, княже! Вроде бы никому из тех, кто причастен может быть. Если по крупному брат, татар или Литву с ливонцами, то им выгодней, чтоб ты жив остался, но к ним перебежал. Но, могут ли их люди знать планы князя Московского, да подстроить так, чтоб планы эти нарушить?...

–Ну, знать, допустим, могли...

–А подстроить – нет!

–Хорошо – видно было, что князь увлекся странным вопросом – тогда кто дальше?... Воинов в засады брали частью из Хабаровского полка, частью от предателей – бояр...

–И я в ту же сторону стал думать, княже! Но Хабару, из того, что мы знаем, выгоды никакой в этом деле нет – он и воевода у Москвы знатный, и посадником вот прислан. А выживи князь Рязанский, так и мало ли оно как обернется.

–Так что же, бояре?...

–Выходит, что так, княже. Выходит, что не все, кто Хабару крест на верность Москве целовал, от души это делали. Выходит, что кроме нас еще кто-то за тебя, хотел тебе помочь, но при таком раскладе прямо объявиться не смог, но или людей на засады дал мало, или не тех, которые все дело по итогу и провалили.

–Это, конечно, хорошо – подумав, медленно сказал князь – да только нам с того пока толку мало... да, ты говоришь, что-то тебя беспокоило?

–Да в том-то и дело, княже, что не могли бояре знать, кто в каком месте в засаде стоять будет! А даже и с такой, пусть пока непонятной, но помощью, мы еле выскочили оттуда! А не должны были, да и то, что рана, считай, у тебя только, чего уж там – легкая, не считая моей царапины да морды Семена ободранной, то вообще чудо!

–Я понял тебя – все так же медленно и задумчиво сказал князь – получается, нас вели и до Москвы, и от Москвы, как на крепком поводке, а как до места дошли, так поводок и сняли и сами вроде как отвернулись... А с другой стороны, помощники эти неизвестные, вроде помогли, но так, что чудом не чудом, но непонятно, как и выскочили... да, ты прав... тут что-то не так...

Тем временем князь, моргнув Семену на очередном заходе, попросил Егора позвать Ефима со старцем для перевязки ноги. Егор обтерся и убежал, а Гридя и князь довели свои подозрения до Семена. Тот, как главный по военным действиям, согласился, что засада была не очень, и обещал подумать. Также решили еще раз уточнить у Федора с Ефимом (пока без участия старца и Никодимыча), что там было в Рязани без них, и кто мог из бояр мог в этой неожиданной и какой-то не такой помощи участвовать. Тут в предбанник пришли и Ефим со своей сумкой, и старец со своим крестовым чемоданчиком.

Легко сняв намокший бинт, Седов осмотрел рану. Опухоль с ноги спала, хотя кровоподтек оставался. Сама рана была слегка воспаленная, но без нагноения. В общем, порядок. К такому же выводу пришел и Ефим. Обновив тампон с мазью, ногу перебинтовали по новой и помогли князю одеться. Заодно обновили мазь и повязку не успевшему улизнуть Гриде и намазали царапины Семена клеем. Старые бинты Николай Федорович сунул Ефиму, попросив того выбрать время и прокипятить их вместе с его холстами для перевязки.

Перебравшись в дом, компания разошлась. Те, кто только помылся, захотели отдохнуть, Никодимыч и Егор занялись чем-то по хозяйству, Машка вернулась на кухню и шуршала там, что как бы намекало о скором обеде (или ужине, Седов пока не понял принцип). Ефим все-таки попытался уточнить, что входит в состав лекарств и как их готовить. Но тут Седов его разочаровал, объяснив, что целительство в его время – наверное, одна из самых сложных профессий, учатся на нее дольше всего, и на разные специализации. Людям продают лекарства или по рецептам, которые определяет врач, или самые простые, такие, вот как у него – с подробным описанием, от чего это и как применять. Аптекари-фармацевты, в общем, те, кто придумывает и составляет лекарственные препараты – это вообще отдельная специальность, основанная на химии. Ефим вскинулся было на тему алхимии, но Седов сказал, что научные достижения за 500 лет – это очень большой разговор, и лучше провести его отдельно. Химия же, если кратко, это как раз наука о взаимодействии веществ, только без капли волшбы и философского камня (да, это выдумка, Ефим, но ты не грусти – там открыли многое, что покруче этой волшбы будет).

Все это внимательно слушал не пошедший спать князь, сидевший здесь же. Тут вернулся Никодимыч и попросил нарисовать ему улей. К этому делу подтянулся и выпавшийся Федор. Седов нарисовал им в блокноте схематично улей, с крышкой, летками и рамками. Все согласились, что сложного тут нет ничего, и надо попробовать. Время потихоньку шло, количество света из окошек стало уменьшаться, и Никодимыч, зайдя на кухню, уточнил, что скоро будем накрывать на стол. Николай Федорович решил выйти проветриться и заодно прогуляться до туалета (приличное строение на задах двора ему показали еще утром). Во дворе Егор возился у загородки с собаками. Седов, сочтя случай удобным, подошел посмотреть и, так сказать, познакомиться. С позволения Егора и знака «это свой» дал руку, два носа, черный и коричневый, внимательно его обнюхали. Породу собак определить было затруднительно. Не лайка, не овчарка, не лохматая, не гладкая, но что-то такое с вытянутой мордой и крупное.

–А как их зовут? – спросил Седов.

–Черный – Хват. А тот – Шарик – ответил Егор.

–А что так? – удивился Седов на Шарика – морды у обоих были совершенно разбойничьи.

–Ну, мы же их щенками брали – немного смутился Егор – Хват игрался, зубами всех хватал. А Шарик спал тогда. Свернулся, как клубок шерсти коричневой, и лежит такой шарик. Посмеялись.

Посетив то самое дальнее строение, Николай Федорович вернулся в дом, по дороге умывшись у умывальника. Стол тем временем заканчивали накрывать. Все расселись по вчерашним местам. На столе все было примерно как вчера: соленья, копчености, только суп сегодня был куриный с чем-то типа клецек, и были пироги с рыбой. Очень вкусные, очень жирные, но... немного недосоленные на его вкус, как, впрочем, и все остальное. Никодим снова выста-

вил такую же медовуху, были и тосты (здравицы – всплыло из памяти). Первую Никодим все так же поднял за князя, вторую предложили сказать Седову, он выпил за русских людей, которые за пять веков сохранили родственную преемственность. А вот с третьим тостом случилась некоторая неожиданность: его поднял Семен и сказал, что из будущего к ним принесли очень важный и правильный обычай, и хотелось бы его сохранить и выпить за павших. Все выпили, не чокаясь, но уже не так трагично, как вчера, а как-то торжественно, что ли. После еды был уже традиционный взвар с лепешками. Может, Николаю Федоровичу показалось, а может, он уже начал привыкать к необычной обстановке, но сегодня обед-ужин прошел как-то быстрее. Когда Егор с Машкой начали чуть ли не бегом убирать посуду, им даже помогли, а Ефим тем временем аккуратно вынес из другой комнаты прибранные туда атлас с блокнотом. «Да они же хотят продолжения рассказа, причем все» – сообразил Седов. По такому случаю он дошел до куртки и проверил телефон. Переведенный в режим полета, он показывал больше 60% зарядки. На один полный показ должно было хватить.

–Ну что ж – снова открывая атлас, сказал Николай Федорович – сейчас я кратко пройду по народам Земли, и покажу, как мы живем... эээ... как будут жить в Москве через пятьсот лет. Всего на Земле живет сейчас около восьми миллиардов человек. Напомню, что тысяча тысяч – это миллион, а тысяча миллионов – это уже миллиард. И из этих восьми два с половиной миллиарда живет вот здесь – полтора в Китае (Хина, чина или чайна, как он у вас называется? Хань? Ну да, они) и миллиард в Индии. Совсем рядом, да? Помните, что я говорил про климат? Вот там как раз тепло, море и по два урожая собирают. Остальной народ распределен по Земле более-менее равномерно. В Европе, кроме нас, 500 миллионов, в Америке миллиард, в Африке больше миллиарда. При этом ученые определили, что есть четыре разные расы – белые, это мы и европейцы, черные, это африканцы (они на самом деле черные, не смуглые, а именно черные или почти черные), желтые, или монголоидные – это вся Азия, а у нас татары, и красные – индейцы, хоть название такое, но это те, кто живет в Америке. Точнее, в северной они жили – я вроде говорил, их мало осталось, а в южной их еще много. Те, кто живет в Индии – индийцы. Так вот, из этих восьми миллиардов выделяют «золотой миллиард», это те люди, которые живут лучше остальных. В некоторых странах почти все население входит в этот миллиард, в некоторых, где различие между богатыми и бедными очень сильное, только богатая часть. Точного определения нет, но если примерно, то у золотого миллиарда всегда есть жилье, и это не развалюхи и не трущобы, всегда есть еда, и она качественная, а не помои, объедки или мусор, всегда есть чистая вода, на память приходит Индия – там в реках вода очень грязная, так как климат теплый, водорослей и всякой живности полно, а еще они в реках хоронят умерших. Принято сжигать и пепел развеивать, но дров не хватает, и часто отправляют в реку так. Представляете, что там плавает?... А вот, вспомнил, еще обогрев. То есть, у богатого, если он живет в северной стране, всегда есть топливо на обогрев. Еще у «золотых» всегда есть нормальная одежда, возможность работать, ну и много других особенностей. Например, если надо, они всегда могут получить медицинскую помощь, то есть лекарскую, и имеют возможность получить образование, ну, учиться разным наукам, причем хоть всю жизнь. Так вот, по этому делению жители России в основном относятся именно к «золотому миллиарду». Европейцы тоже. Африка постоянно воюет и голодает, с водой там тоже проблемы. В Азии и Южной Америке вроде получше, но сказывается большое количество народа – на всех не хватает. Северная Америка тоже в основном «золотая», правда, там расслоение большое.

–Ну, а теперь давайте я вам покажу, как мы там живем. Вот этот прибор (Седов достал телефон) может много чего. Основное его назначение – для связи, ну, разговора, с другими такими же, сейчас это, понятно, не работает. Он показывает время и дату. Он считает цифры очень быстро. На нем можно смотреть карты, как в атласе, а еще на него можно фотографировать, записывать звук и живые картинки. И, конечно, потом их смотреть или слушать, если это музыка. Важный момент – прибор этот, когда все это делает, тратит энергию... эээ... силу.

Как объяснить-то. О! Как печка, горит, пока дрова есть! Так вот, тут есть индикатор, в сотых долях, сейчас заполнен на 64 доли, или процента. Когда будет пусто – он отключится, поэтому покажу всем, но прошу надолго не задерживать каждую картинку.

И началось... Николай Федорович примерно представлял, что его ожидает. Но что было делать, если первое же фото Москвы, с домами, дорогой, машинами и людьми ввело всех в восторженное состояние и вызвало шквал вопросов, а дальше все оно только усиливалось?... Яркость и четкость картинок, быстрая смена, возможность увеличить кадр – это было покруче блюда, по которому каталось волшебное яблочко и что-то там показывало. Тысячи, тысячи вопросов задали Седову. Охрипли все, мало не подрались, но в целом он показал и рассказал все, что хотел. Высотные дома и университет, понятие квартир, дороги (тот самый асфальт) и машины, внешний вид людей (Ой, а чего это девки как ходят?.. Простоволосые.. все?! А ноги?!), торговые центры и магазины, поезда и самолеты (вот тут Ефим и Егор не хотели отдавать телефон), речные трамвайчики на Москве-реке и океанские лайнеры в испанском порту, внутренность обычной квартиры (пришлось извлечь из-за спин Машку и показать ей холодильник, газовую плиту с духовкой, раковину с краном с постоянной холодной и горячей водой, микроволновку и посудомойку), простой поселок на их озере, да-да, вот этом самом, в котором не было домов меньше ста квадратов, причем все – камень, а если дерево-то оцилиндрованные бревна или фигурный брус. С ЖЕЛЕЗНЫМИ крышами и заборами. Количество стекла и хрусталя в домах, количество света на улицах и площадях, откуда берется сам свет (тут пришлось переносить на завтра), количество и разнообразие товаров в торговом центре и простом магазине, количество и разнообразие машин и техники, и масса, масса вопросов, вытекающих из любой фотографии. Вот фонари уличные. Они что, из железа? Из стали?! а сколько их? Как на всех улицах?! И все каждый вечер светят?... Всю ночь?!...

С номеров на машинах и домах (и названий улиц) перескочили на документы, Седов показал права и рассказал про паспорта. Идея об учете (и переписи) всего на госуровне была очень благосклонно встречена князем и Федором. Карточка прав с фото ходила по рукам ничуть не меньше, чем календарик с храмом. Портмоне с правами повлекло за собой показ денег, все восприняли с удивлением новость, что, хоть они все еще рубли и копейки – но бумажные. Тут уже в него вцепились и Федор, и князь, как такое возможно. Хотя идея, что государство (а в начале сам государь) гарантируют выплаты, а бумагу такую трудно подделать, была воспринята ими, в общем, с пониманием. Федор вцепился было с уровнем цен практически на все, но ему хватило того, что соль, стекло, одежда из синтетических тканей или вот такая бумага, а также основные вещи из простого железа, типа гвоздей – самые дешевые и продаются в любых объемах буквально за копейки. Потому что делаются массово.

А потом Седов стал показывать видео. И картинки, как говорили в старой рекламе, ожили... Пара-тройка панорам Москвы и бытовых сценок зашла хорошо, но вот парад на 9 мая, техника, самолеты, бессмертный полк и салют... Вот это было уже близко к избыточности, как показалось Николаю Федоровичу, это уже не воспримут или не поймут. Оказалось, он ошибался, и на первый план выдвинулись, потеснив всех, Семен с Никодимычем. Два воина насели по поводу боевых машин (Что, как твоя, только больше и прямо с пушкой едет? А как стреляет? Прямо на ходу?! А что за ракеты такие? На сколько тысяч верст?!), ну, а при пролете боевых самолетов и вертолетов снова подтянулись Егор с Ефимом. Пришлось пообещать и про оружие отдельный рассказ.

Ну, а снятие всех присутствующих на фото (с демонстрацией его тут же) и короткого ролика внутри горницы (света хватило, чтобы все узнали себя и избу и прониклись) все-таки переполнило возможный объем новых впечатлений в этот день. Недоверие, затем узнавание собственных лиц, вот так вот просто перенесенных в этот... прибор – эмоции зашкаливали. Часа четыре, наверное, длился рассказ с показом, опять было выпито большое количество звара, все накричались, наспорились до хрипоты, и уже как-то вяло реагировал на показ

календаря, записной книжки, часов и будильника Ефим, на показ навигатора (у Седова были закачаны карты Подмосковья) – Семен, и только Федор с удовольствием моментально делил и перемножал трехзначные (и четырехзначные!) цифры на калькуляторе. На пяти процентах заряда пришлось все-таки отобрать и выключить игрушку, что послужило сигналом для отхода ко сну. В этот раз Николай Федорович, разместившись в той же комнатке на той же шкуре (попросил не менять на перину), лежал и засыпал долго, с улыбкой вспоминая выражения лиц своих невольных попутчиков и товарищей, то ошарашенные, то недоверчивые, то совершенно детские. Во всем доме тем временем стоял негромкий бубнеж, ясно было, что сегодня народ заснет гораздо позже, чем обычно. Конечно, они не все поняли (или не так), даже не все запомнили из того, что он говорил, но в целом это не была игра в одни ворота – с людьми этого века, по крайней мере, с теми, с которыми он пока столкнулся, вполне можно было разговаривать и договариваться. Пока. Даст бог, и дальше все как-нибудь образуется... С этой мыслью Седов и уснул.

6

Проснулся он в этот раз раньше, окошко еще только неярко серело, позволяя, однако, видеть все в комнате. «И действительно – подумал Седов – третий день всего я тут. Причем, если позавчера хоть по грибы успел сходить да на машине проехаться, то вчера, считай, и не делал ничего. Ели, пили, в бане парился да разговоры разговаривал. Чистый курорт.» Пора было как-то перестраиваться на постоянное проживание в 16 веке. «Надо посмотреть, что сейчас на месте моего дома, на всякий случай. Одному ходить не стоит, попрошу... Семена, да. Тем более как раз он и сам интересовался. Если я правильно понимаю, Гридя и Егор сейчас проводят разведку, а вообще, как минимум неделю князю лучше сидеть на месте, пока рана не закроется. Хватит ли у Никодимыча запасов?... Надо бы аккуратно поинтересоваться». В общем, Николай Федорович и раньше серьезно относился к планированию, и по месту работы, и по складу характера. Другое дело, что пока здесь, в этой новой реальности от него и его желаний зависело совершенно мало, если не сказать – совсем ничего. «Для князя и бояр я – источник информации, но, скорее, развлекательного толка, так как по этим временам у меня очень мало конкретики. Для Никодимыча и его ребят – просто источник... чудес, да, чудес. Распространения которых надо будет при уходе отсюда как-то избежать. А уходить отсюда придется, князь ни за что не останется здесь надолго. Хотя что он решит о своем будущем – пока совершенно непонятно». А первым делом Седов решил попросить Никодима все-таки подобрать местную одежду, на случай, если придется резко уходить отсюда, и... найти, чем почистить зубы! Встав и одевшись, он пошел на выход. На кухне Егор еще только растапливал печку, Машки не было видно. Поздоровавшись с ним, Николай Федорович прошел через пустую горницу и вышел в сени. Там у умывальника плескался Ефим, а Семен уже вытирался. Это было удачно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.